

Коллекция классического детектива

Эдгар По

Золотой жук (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

По Э. А.

Золотой жук (сборник) / Э. А. По — Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», — (Коллекция классического
детектива)

Эдгар Аллан По – знаменитый американский писатель и поэт-романтик, классик новеллы, основатель жанра детектива. Творчество Эдгара По способствовало появлению жанра научной фантастики. Наибольшую известность получили его «страшные рассказы». Изобретенный им сплав детектива, ужаса и мистики, именуемый триллером, приобрел в наши дни исключительную популярность.

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© По Э. А.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Логика безумия	6
Стук сердца	8
Убийства на улице Морг	12
Тайна Мари Роже	33
Примечание автора	34
* * *	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эдгар Аллан По

Золотой жук

Сборник

© М. Брыных, А. Красюк, составление, 2014

© DepositPhotos.com / jelen80, ozaiachinn, Molodec, обложка, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2014

Логика безумия

«Эдгара По можно было бы назвать „главой школы странного“, потому что в своих книгах он раздвинул границы возможного», – утверждал Жюль Верн в эссе «Эдгар По и его произведения» (1864). Впоследствии критики нашли более удачные эпитеты и определения, позволяющие «расташить» наследие великого американского писателя по жанрам – и в каждом застолбить мемориальный участок имени «безумного Эдди».

Сам Верн, которого по праву считают одним из отцов научной фантастики, во многих своих романах использовал и развивал идеи, рожденные мрачной фантазией По. В классической литературе ужасов – от Говарда Филлипса Лавкрафта до Стивена Кинга – влияние Эдгара По превосходит всю европейскую традицию готического романа.

В детективном жанре говорить о большом значении американского гения было бы неверно – Эдгар По попросту создал его «под ключ»: знаменитый дедуктивный метод и классический тандем главных героев (проницательного сыщика-любителя и его не слишком расторопного коллеги), крайне запутанное преступление, обстоятельства которого неизменно заводят в тупик официальное расследование, непредсказуемая развязка и множество других приемов и уловок классического детектива были придуманы Эдгаром По с воистину чудовищной скрупулезностью. И это при том, что писатель создал всего лишь три рассказа, в которых кабинетный интеллект и отъявленный мизантроп Огюст Дюпен демонстрирует свое искусство логических выводов, построенных на далеко не очевидных и, на первый взгляд, не связанных между собой фактах. К этому циклу («Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже», «Похищенное письмо») зачастую причисляют и один из наиболее известных рассказов Эдгара По «Золотой жук», где читатель знакомится с неким Вильямом Леграном; этот отшельник с порывистым характером, в котором проблески энтузиазма чередуются с приступами меланхолии, во многом напоминает Огюста Дюпена – с той лишь разницей, что в своем расследовании Легран проявляет на порядок больше инициативы, нежели «диванный мыслитель» Дюпен. И хотя по сюжету «Золотой жук» напоминает более или менее традиционный приключенческий рассказ о кладоискательстве, в этой новелле логические построения поражают читателя точностью, простотой и оригинальностью, здесь нет места домыслам, догадкам или озарению и поиск истины всецело зависит от холодного расчета, примененного на практике. Именно деятельного Леграна (а не Огюста Дюпена) следует считать прототипом Шерлока Холмса.

Несмотря на то что квартет детективных рассказов По многие исследователи рассматривают как отдельный феномен в творчестве писателя, было бы ошибкой полагать, что детективные идеи, мотивы и сюжетные ходы не нашли применения в произведениях автора, принадлежащих к другим жанрам.

Во-первых, детективной прозе По присуща легко узнаваемая вязкая атмосфера кошмара; чудовищное, непостижимое преступление – частый гость в рассказах автора, пытавшегося моделировать сознание преступника. В лучших своих «страшных рассказах», где повествование неизменно идет от первого лица, Эдгар По полностью растворяется в личности своего персонажа. Его умение проникнуться безумием и пагубной страстью поражает читателя не менее, чем все чудовищные обстоятельства преступления. Помрачение рассудка не позволяет герою «Береники» (одной из самых мрачных новелл По) осознать, что происходит. Погруженный в лабиринты отчаяния, он следует велениям своей растерзанной души, и поиск ответов уводит его от пытки неведением к настоящей казни реальностью. В этом рассказе несчастный, по сути, пытается расследовать собственное преступление. Одержимый герой рассказа «Стук сердца» оказывается в столь же безрадостных обстоятельствах: осознавая весь ужас собственного злодеяния, он тщетно успокаивает себя тем, что полиция

ни за что не разгадает его тайну. Но, как и в случае с Эгеем из «Береники», его разоблачение неизбежно – возмездие приходит с первыми же проблесками разума.

Отдельного внимания заслуживает «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета» (1838). Это одно из наименее известных широкой публике произведений, что уже само по себе странно, ведь речь идет о единственном романе в библиографии Эдгара По. Отчасти объяснение заключается в том, что сам По питал искреннюю неприязнь к большим литературным формам, а свое «Повествование...» считал неудачным и даже «преглупым». В то же время этот текст произвел ошеломляющее впечатление на Шарля Бодлера. На протяжении многих лет открытый финал «Повествования...» не давал покоя Верну, написавшему продолжение – роман «Ледяной сфинкс». А крупнейший латиноамериканский писатель Хорхе Луис Борхес считал эту вещь вершиной творчества Эдгара По.

Возможно, в противоречивых оценках «Повествования...» скрывается всего лишь извечное неприятие всего необъяснимого. Во-первых, любая попытка определить жанр романа обречена на неудачу – это немыслимый коктейль, в котором легко обнаружить все пристрастия автора. Здесь фантастика переплетается с научными данными об исследовании южных морей, излюбленные мотивы «страшных рассказов» (погребение заживо, каннибализм) мирно соседствуют с записками натуралиста. Но во всем этом многообразии отчетливо проступают и детективные элементы: запертый в трюме Артур Гордон Пим вынужден догадываться о событиях, происходящих на корабле, подобно детективу, расследующему преступление по отрывочным и разрозненным данным, и это только лишь начало «кровавого рейса», конечная цель которого – всепоглощающее проклятие рода человеческого...

Понадобилось почти столетие, чтобы по достоинству оценить столь новаторское во времена По «переключение регистров» внутри повествования: этот сплав детектива, ужаса и мистики, именуемый триллером, приобрел в наши дни всемирную популярность. И не исключено, что творческое наследие Эдгара Аллана По еще таит в себе немало загадок и сюрпризов для последователей и поклонников этого сумрачного гения.

Стук сердца

Да! Я нервничал... Я очень, очень нервный... Ужасно нервный... И тогда я нервничал, и сейчас нервничаю, но разве это значит, что я сумасшедший? Просто болезнь обострила мои чувства. Ведь не уничтожила же, не притупила. И более всего у меня обострился слух. Я слышал все, что творится на земле и на небе. И многое из того, что происходит в преисподней. Разве сумасшедший на это способен? Выслушайте меня и обратите внимание, каким здоровым, каким спокойным будет мой рассказ.

Как эта мысль впервые пришла мне в голову, я не могу сказать, но, как только это случилось, – все, она уже не покидала меня ни днем ни ночью. Никакой особой причины у меня не было. Никаких вспышек ярости. Я любил старика. Он меня никогда не обижал. Ничего плохого я от него не видел. Золото его мне было не нужно. Я думаю, это все его глаз!

Да, глаз. Представьте глаз грифа: бледно-голубой, закрытый пленкой. Каждый раз, когда этот глаз смотрел на меня, у меня кровь стыла. И вот постепенно у меня появилось желание лишить старика жизни и навсегда избавить себя от этого взгляда.

Я это вот к чему веду. Вы думаете, я сумасшедший. Но сумасшедшие-то не понимают, что творят. А видели бы вы меня!

Видели бы вы, как я готовился, как все продумывал...

С какой осторожностью действовал...

С какой предусмотрительностью.

О, а как я за работу взялся! Меня бы в жизни никто не заподозрил!

Никогда еще я не был так добр к старику, как всю последнюю неделю до того, как убил его. И каждую ночь, около полуночи, я поворачивал ручку его двери и медленно открывал ее... Очень, очень аккуратно. Потом, когда она открывалась настолько, что могла пройти моя голова, я просовывал внутрь руку с фонарем, плотно закрытым, чтобы из него не пробился ни один лучик света, а потом просовывал голову.

О, вы бы хохотали до упаду, если б видели, как медленно я это проделывал. Я просовывал ее осторожно, очень, очень осторожно, чтобы не побеспокоить сон старика. У меня час уходил только на то, чтобы полностью просунуть голову внутрь и увидеть его лежащим на кровати.

Ха! Покажите мне сумасшедшего, у которого хватит ума на такое!

А потом, когда голова моя оказывалась внутри, я начинал медленно открывать фонарь. Осторожно-осторожно (петли у него поскрипывали) я открывал его ровно настолько, чтобы один, только один луч из него падал на этот грифов глаз. И это я проделывал семь длинных ночей подряд...

Каждую ночь, ровно в полночь... Но глаз всегда оказывался закрытым, поэтому я не мог совершить то, зачем приходил туда, потому что ведь не сам старик выводил меня из себя, а его дьявольский глаз. И каждое утро, когда поднималось солнце, я как ни в чем не бывало входил в его комнату и начинал разговаривать с ним, причем без капли волнения или страха, называл его по имени (спокойненько так, даже с улыбочкой), спрашивал, как он провел ночь. Так что, будь этот старик хоть семи пядей во лбу, он бы и то не догадался, что каждую ночь, ровно в полночь, я прихожу и смотрю на него, пока он спит.

На восьмую ночь я открывал дверь даже осторожнее, чем обычно. Минутная стрелка на часах двигается быстрее, чем шевелилась моя рука. До той ночи я не представлял себе, насколько велика моя сила... моя проницательность.

Меня всего колотило от восторга. Я с трудом сдерживался! Вот ведь подумать: я открываю дверь в его комнату – медленно, понемногу, – а он и не догадывается ни о чем. Я даже чуть усмехнулся, и он, видно, услышал это – шевельнулся в кровати, будто вздрогнул.

Думаете, я тут же отскочил и закрыл дверь? Нет.

В комнате у него было темно, как в шахте (ставни-то были наглухо закрыты от воров), так что я знал, он не увидит, как я открываю дверь, поэтому продолжал медленно приоткрывать ее.

Я уже просунул голову и собирался открыть фонарь, но тут мой палец соскользнул с оловянного крепления. Старик тут же подскочил в кровати и крикнул: «Кто здесь?»

Я и тут не дрогнул, притаился, знай себе молчу. целый час я так простоял, и ни один мускул у меня не дрогнул, но только я не слышал, чтобы он снова лег. Он продолжал сидеть в кровати и прислушиваться... Так, как и я до этого, каждую ночь прислушивался к тиканью часов на стене, отмеривающих час смерти.

А потом я услышал негромкий стон и понял, что это стон смертельного ужаса.

Это не был стон боли или печали... О нет!.. То был тихий сдавленный звук, который вырывается из самой глубины души, скованной жутким страхом.

Мне этот звук был знаком прекрасно. Сколько ночей, ровно в двенадцать, когда весь мир спит, он рвался из моей груди, своим жутким эхом сгущая мучившие меня страхи.

Я хорошо знал этот звук, уж поверьте.

Я знал, что старик чувствовал тогда, мне даже стало его немного жаль, хотя на душе у меня было необыкновенно радостно.

Я знал, что он лежит там, не в силах сомкнуть глаз, с той самой секунды, когда вздрогнул, услышав первый слабый шум. И все это время страх его растет, пожирает его.

Он пытается убедить себя, что бояться нечего, что это ему померещилось, но не может. Он говорил себе: «Это всего лишь ветер в дымоходе... Мышь по полу пробежала» или «Это просто сверчок застрекотал и умолк». О да, наверняка он пытался успокоить себя такими предположениями, да только ничего не помогало.

Ничего не помогало, потому что Смерть уже подкралась к нему и окутала жертву своею тенью. Эта жуткая и неосязаемая тень и заставила его ощутить (хоть он ничего не видел и не слышал) присутствие в комнате моей головы.

Простояв достаточно долго и так и не услышав, чтобы он лег, я решил чуть-чуть, самую малость, приоткрыть дверцу фонаря. И стал приоткрывать... Вы представить себе не можете, как осторожно и медленно я ее приоткрывал, пока наконец один тусклый, тоненький, как паутинка, луч света не выскользнул из щелки и не упал на хищный глаз.

Он был открыт. Распахнут. Во всю ширь. И, когда я это увидел, у меня внутри все прямо заклокотало от ярости. Я видел его совершенно отчетливо... этот бледно-голубой зрачок, закрытый мерзкой пленкой, от которой меня пробирало до мозга костей. Но, кроме этого глаза, я не видел больше ничего, ни лица старика, ни его тела, потому что луч как будто специально упал прямиком на эту проклятую точку.

А дальше... Разве не говорил я вам, что то, что вы считаете безумством, – на самом деле всего лишь обостренное чувство? До моего слуха донесся тихий, глухой и частый звук – если часы завернуть в вату, они будут так тикать.

Этот звук мне тоже был хорошо знаком. Это билось стариковское сердце. И оно только разожгло горевший во мне огонь, как барабанный бой распаляет храбрость солдат.

Но даже тогда я сдержался и не шелохнулся. Я почти не дышал. Фонарь у меня в руке даже не дрогнул. Я решил проверить, как долго я смогу не сводить луч с этого глаза. А адский стук сердца тем временем нарастал. Оно билось все быстрее и быстрее, с каждой секундой все громче и громче. Старик, должно быть, испытывал жуткий ужас. Я не шучу, сердце его колотилось все сильнее.

Помните, я говорил, что нервный? Так и есть. А тогда глухой ночью, в адской тишине этого старого дома, слушая этот странный звук, я испытывал непреодолимый ужас. И все же еще несколько минут я сдерживался и стоял, точно окаменел. Но биение становилось громче, громче!

Мне показалось, что его сердце сейчас лопнет. И тут меня будто осенило: этот адский звук услышат соседи! И час старика пробил! Громко крикнув, я раскрыл фонарь и прыгнул в комнату.

Он вскрикнул раз... Всего один раз. Я мгновенно стащил его на пол и привалил тяжелой постелью. Поняв, что дело сделано, я радостно улыбнулся. Но еще долго сердце продолжало приглушенно биться. Но это уже не тревожило меня – за стеной этого не услышат. Наконец звук стих. Старик умер. Я стащил с него постель и осмотрел труп.

Да, он был мертв, абсолютно. Я приложил руку к его груди, на сердце, и держал несколько минут. Биения не было. Признаков жизни он не подавал. Его глаз больше не побеспокоит меня.

Если вы все еще думаете, что я сумасшедший, я опишу вам, как мудро я избежал от тела, и вы перестанете так думать. Близилось утро, поэтому я работал быстро, но тихо. Во-первых, я расчленил труп. Отрезал голову, руки и ноги.

Затем прямо в той комнате снял три половицы и сложил все аккуратненько в нишу. После этого уложил доски обратно, да сделал все так тщательно, так точно, что ни один человеческий глаз (даже его!) ничего не заметил бы. И смывать было нечего – нигде ни

единого пятнышка не осталось. Ни от крови, ни от чего. Уж я за этим проследил! Все ушло в ванну. Ха-ха!

Я покончил со всем в четыре утра, но на улице было еще совсем темно, не светлее, чем в полночь. Как только прозвонил колокол, в дверь постучали. Я пошел открывать с легким сердцем – чего мне теперь бояться?

На пороге стояли трое, они вежливо представились, сообщив, что из полиции. Ночью кто-то из соседей услышал какой-то вскрик и заподозрил неладное. Об этом сообщили в полицейский участок, и их (офицеров) направили осмотреть дом.

Я улыбнулся – бояться-то мне было нечего! – и пригласил войти. Про крик я сказал, что это я сам вскрикнул во сне. Старик, упомянул я мимоходом, уехал за город.

Я провел своих гостей по всему дому. Говорю: пожалуйста, обыскивайте, ищите где хотите. Потом и в его комнату их завел. Показал им его богатства, вот, мол, они, целехонькие, никто к ним и пальцем не прикасается. Я до того был уверен в себе, что даже притащил в комнату пару стульев и предложил им посидеть, отдохнуть, а самого такое торжество охватило, что свой стул я поставил прямехонько над тем самым местом, где лежал труп.

Офицеры были удовлетворены. Мое поведение убедило их: держался-то я совершенно непринужденно и расслабленно. Они сели и давай болтать о всяких пустяках, о том о сём, о работе, я сижу, поддакиваю с улыбочкой. Но вскоре чувствую: начинаю бледнеть.

Мне захотелось, чтобы они ушли. Голова даже разболелась, и в ушах звенеть начало. А они все сидят себе и разговаривают. Звон в ушах стал сильнее... Не прекращался ни на секунду, только явственнее становился... Тогда я и сам стал больше говорить, чтобы избавиться от этого чувства... Но оно не уходило и делалось только отчетливее, а потом наконец меня осенило, что это вовсе не в ушах у меня звенит.

Наверняка я тогда очень побледнел. Теперь я уже говорил вовсе без умолку, да еще и очень громко. Но этот звук все усиливался...

Что я мог поделать?

Глухой быстрый звук, как часы, завернутые в вату. Я уже начал задыхаться, а офицеры его будто и не слышали. Я заговорил еще быстрее, уже захлебывался словами, но звук все нарастал. Я вскочил, уже чуть ли не криком кричу, руками размахиваю, а звук все громче и громче.

Что же они не уходят?

Я стал расхаживать по комнате, но они как будто и не собирались уходить, и это меня бесило... А звук все нарастал.

О боже, что мне было делать?

Я метался по комнате, я клокотал от бешенства, я ругался! Я схватил свой стул и громынул им об пол, но тот звук заглушал уже все остальные и продолжал усиливаться. Становился громче – громче – громче! А полицейские все болтают как ни в чем не бывало, улыбаются.

Неужели они не слышат?

Господь всемогущий! Нет! Нет! Они слышат!.. Они подозревают!.. Они потешаются надо мной и моим ужасом!.. Так я думал тогда и сейчас так же думаю.

Я уже был согласен на все, лишь бы избавиться от этой агонии! Все, что угодно, лишь бы не слышать этих насмешек! Я больше не мог видеть эти притворные улыбки! Я почувствовал, что, если сейчас не закричу, – я умру! И снова этот звук! Да! Да! Еще громче! Громче! Громче! Громче!

– Изверги! – завопил я. – Хватит притворяться! Я признаюсь!.. Это я! Я! Срывайте доски!.. Здесь, здесь!.. Это бьется его жуткое сердце!

Убийства на улице Морг

Что за песню пели сирены или какое имя носил Ахиллес, скрываясь среди женщин, – вопросы сложные, все же ответ на них попытаться найти можно.

Сэр Томас Браун

Умственные способности, которые принято называть аналитическими, сами по себе с трудом поддаются анализу. Мы осознаем их только по результату, которого с их помощью удалось добиться. Помимо прочего известно, что для того, кто наделен ими в большой степени, они являются источником истинной радости. Как физически сильный человек находит удовольствие в своей силе, радуясь тем занятиям, которые требуют мышечного напряжения, так и аналитик наслаждается умственной работой, которая, что называется, «развязывает руки». Даже самые обычные занятия, позволяющие проявить свои способности, приводят его в восторг. Этот человек любит всяческие загадки, головоломки, шифры и проявляет в их решении такую проницательность, которая обычным людям кажется сверхъестественной.

Полученные результаты, достигаемые путем использования четких и вполне определенных методов, кажутся основанными на интуиции.

Умение принимать решения, возможно, во многом подкрепляется математическим даром, в особенности тем наивысшим его проявлением, которое несправедливо и исключительно на основании обратного характера его действий именуется анализом *par excellence*¹. И все же, для того чтобы анализировать, недостаточно просто уметь считать. К примеру, шахматист проделывает одно, даже не пытаясь заняться другим. Из этого следует, что представление об игре в шахматы как очень полезной для ума не всегда соответствует действительности. Но я пишу не научный трактат, а всего лишь предисловие к довольно необычному рассказу и основываю свои мысли на достаточно разрозненных наблюдениях, поэтому воспользуюсь случаем, чтобы заявить: незамысловатость шашек является гораздо более сильным и полезным стимулом для проявления высшей силы мыслящего разума, чем продуманная изощренность шахмат. В последних, где все фигуры ходят по-разному и имеют свой, к тому же изменяющийся, вес, сложность принимается за глубину (обычная ошибка). Внимание играющего здесь целиком устремлено на игру. Стоит ему хоть на секунду отвлечься, и он может допустить оплошность, которая приведет к значительному ухудшению положения, а то и к проигрышу. Многообразие и сложность ходов лишь увеличивают шансы совершить подобную оплошность, и в девяти случаях из десяти побеждает тот игрок, который внимательнее, а не тот, который способнее. В шашках же, где ходы единообразны и почти не имеют вариаций, возможность ошибиться в результате недосмотра значительно меньше, и во время игры внимание практически роли не играет, превосходства добивается тот, кто сообразительнее. Чтобы было понятнее, давайте представим себе игру в шашки, где на доске осталось четыре дамки; возможность случайной ошибки, разумеется, исключим. Вполне очевидно, что победа здесь (при условии, что силы игроков равны) будет достигнута только благодаря какому-нибудь *recherché*² ходу, в результате сильного напряжения разума. Лишенный привычных ресурсов аналитик представляет себя на месте своего противника, отождествляет себя с ним и таким образом зачастую получает возможность с первого взгляда увидеть те комбинации (порой на удивление простые), которые дадут ему возможность заставить противника допустить просчет.

Давно замечено, что вист оказывает влияние на то, что называют математическими способностями. Многие люди, наделенные интеллектом наивысшего порядка, находят в этой игре необъяснимое удовольствие, считая шахматы слишком легкомысленным занятием. Вне всякого сомнения, ни одна другая игра не требует от играющих таких аналитических способностей, как вист. Лучший в мире шахматист может не обладать никакими другими выдающимися способностями, но мастерство в висте дает возможность добиться успеха в любой иной более важной области, где происходит столкновение интеллектов. Говоря «мастерство», я подразумеваю то совершенство в игре, которое включает в себя понимание всех источников, из которых может сложиться допустимое преимущество. Они не только многочисленны, но и разнообразны и нередко заключены в таких укромных уголках мысли, которые для обычного игрока совершенно недоступны. Тот, кто внимательно следит, точно запоминает, поэтому можно сказать, что шахматист, умеющий полностью сосредоточиться на игре, скорее всего, будет прекрасным игроком в вист, тем более что правила Хойла (сами по себе основанные на механике игры) достаточно понятны и однозначны.

Таким образом, основным залогом хорошей игры в вист считаются крепкая память и четкое следование правилам. Однако второе условие еще не определяет талант истинного аналитика. Во время игры он молча наблюдает и делает выводы. Однако, возможно, так же

¹ В высшей степени проявления (*фр.*). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Продуманный, тонкий (*фр.*).

поступают и остальные участники игры, поэтому разница в объеме полученной информации, по большому счету, зависит не столько от глубины умозаключений, сколько от внимательности наблюдателя. Очень важно знать, за чем следует наблюдать. Наш игрок ничем себя не ограничивает, так же как (поскольку главное все-таки – игра) не отбрасывает он и выводы, сделанные на основании факторов, не имеющих прямого отношения к игре. Он замечает выражение лица партнера, тщательно сравнивая его с выражениями лиц каждого из противников. Обращая внимание на то, кто как держит в руке карты, иногда по одним лишь взглядам, которые играющие бросают на свои карты, узнает, сколько у кого козырей и какого достоинства. Во время игры он подмечает малейшее изменение лиц; выражение уверенности, удивления, ликования или огорчения для него – повод для размышления. По тому, как рука берет взятку, аналитик узнает, может ли игрок, взявший ее, получить еще одну той же масти. Он узнает о хитрости противника по тому, как тот бросает на стол карту. Нечаянное или неосторожное слово, случайно выпавшая или перевернутая карта, то, с каким чувством (волнением или беспечностью) игрок пытается эту карту скрыть, подсчет взяток с учетом их порядка, смущение, неуверенность, рвение или волнение – все это указывает ему на истинное положение вещей, хотя сам он этого может даже не осознавать. После первых двух-трех ходов он уже знает, какие на руках карты, и далее играет так уверенно, как если бы остальные участники играли в открытую.

Аналитические способности не следует путать с обычной находчивостью, поскольку, если аналитик в обязательном порядке находчив, то далеко не каждый находчивый человек способен анализировать. Умение придумывать или комбинировать, в котором чаще всего и выражается находчивость и за которое, по мнению френологов (как я полагаю, ошибочному), считающих эту способность первичной, отвечает отдельный внутренний орган, до того часто встречается у тех, чей интеллект в остальном граничит с дебилизмом, что это даже привлекло к себе внимание писателей, затрагивающих темы морали и нравственных устоев. Разница между находчивостью и аналитическими способностями имеет тот же характер, что и разница между фантазией и воображением, только отличие это намного глубже. В самом деле, нетрудно заметить, что люди находчивые – всегда фантазеры, но действительно развитым воображением наделены исключительно аналитики.

Следующий рассказ для читателя станет чем-то вроде пояснения к изложенному суждению.

Весну и часть лета 18... я провел в Париже, где и познакомился с неким меcье Ш. Огюстом Дюпенем. Этот юный господин был потомком знатного, даже знаменитого рода, однако после череды неблагоприятных обстоятельств он оказался в такой нужде, что заложенная в нем от природы энергия покинула его и он совершенно перестал интересоваться обществом или думать о том, как вернуть былое богатство. Благодаря любезности кредиторов ему была оставлена небольшая часть отцовского состояния, и тот скромный доход, который она приносила, позволял ему при условии строжайшей экономии сводить концы с концами, не задумываясь над тем, как поступать с избытком средств. Строго говоря, единственным, что все еще доставляло ему удовольствие, были книги, а в Париже доставать книги нетрудно.

Наша первая встреча состоялась в небольшой библиотеке на улице Монмартр, куда нас с ним привели поиски одной и той же замечательной и очень редкой книги. Мы начали видаться чаще, и меня очень заинтересовала его семейная история, которую он весьма подробно изложил мне с той откровенностью, в которую впадают французы, когда разговор заходит о них самих. Кроме того, меня поразила его необыкновенная начитанность, но самое главное – его неудержимый пыл и свежесть воображения заставили меня почувствовать необычайный душевный подъем. Мне, занятому в Париже своими собственными интересами, показалось, что общество этого человека будет для меня поистине бесценной находкой, и я откровенно признался ему в этом. В конце концов мы решили, что, пока я нахожусь

в городе, мы будем жить вместе, и, поскольку мои обстоятельства были не такими стесненными, как у него, мне было позволено взять на себя расходы на аренду и обстановку в стиле, соответствующем нашей общей с ним задумчивой хандре, причудливого, источенного временем дома, который из-за каких-то суеверий, в суть которых вникать мы не стали, давно был оставлен предыдущими жильцами и доживал свой век в уединенном безлюдном районе Сен-Жерменского предместья.

Если бы люди узнали, как мы с ним жили в этом месте, нас бы посчитали сумасшедшими... Впрочем, возможно, сумасшедшими безобидными. Наше затворничество было полным. Гостей мы не принимали, более того, я тщательно скрывал от своих прежних знакомых местоположение нашего убежища, а о Дюпене в городе давно позабыли, да и сам он уже много лет не вспоминал о парижском обществе. Мы с ним существовали в своем собственном мире.

У моего друга была одна странная причуда (как еще я могу это назвать?): его притягивала к себе Ночь; постепенно этой *bizarrie*³, как и всем остальным его странностям, поддался и я, позволив его диким чудачествам захватить себя с головой. Черная богиня не желала находиться с нами постоянно, но мы могли подделать ее присутствие. С первым лучом зари мы закрывали все грязные ставни старого здания, зажигали пару тонких свечей, которые источали сильный аромат, но отбрасывали лишь слабый, призрачный свет, и погружались в полусон, читали, писали или беседовали, пока бой часов не предупреждал нас о приближении истинной Тьмы. После этого мы рука об руку отправлялись на улицу, продолжая дневные разговоры, или бродили до самой поздней ночи, уходя далеко в поисках того бесконечного возбуждения, которое может дать разуму созерцание диких огней и теней многолюдного города.

В такие минуты я не мог не восхищаться удивительным аналитическим даром Дюпена, хотя, хорошо зная умозрительную природу его мышления, был к этому готов. Ему и самому, похоже, доставляло искреннее удовольствие если не выставлять напоказ, то, по крайней мере, демонстрировать свои способности, и он никогда не скрывал, какую при этом испытывал радость. С негромким отрывистым смешком он говорил мне, что видит большинство людей насквозь, как если бы у них на груди было окно, через которое ему не составляло труда заглянуть им в душу, и, как правило, подтверждал это заявление каким-нибудь прямым и в высшей степени удивительным доказательством того, что моя собственная душа для него – открытая книга. Когда разговор доходил до этой точки, он обычно становился холодно-отстраненным, взгляд его устремлялся вдаль, в то время как голос, обычно тенор, срывался на фальцет, который можно было бы посчитать недовольным, если бы не четкость и ясность произношения. Глядя на него в таком настроении, я часто вспоминал старинное философское учение о двойственности души и развлекался тем, что представлял себе Дюпена, распавшегося на две части: созидательную и разрушительную.

Не подумайте, будто за тем, что я рассказал, кроется какая-нибудь загадка, я вовсе не собираюсь превращать своего знакомого в некий романтический образ. Все описанные мною качества француза были всего лишь следствием работы его возбужденного, а возможно, и нездорового разума. Впрочем, лучше всего понять, что представляли собой его реплики во время таких разговоров, поможет пример.

Однажды ночью мы прогуливались по длинной грязной улице неподалеку от Пале-Рояль. Мы оба были погружены в свои мысли, и по меньшей мере минут за пятнадцать никто из нас не проронил ни звука. Затем совершенно неожиданно Дюпен нарушил молчание:

– Действительно, при его-то росте он бы лучше шел в театр «Варьете».

³ Странность, причудливость (*фр.*).

– Да уж, это точно! – Я был настолько погружен в размышления, что ответил не задумываясь, поначалу даже не заметив, до чего точно его слова совпали с моими мыслями. В следующую секунду я уже пришел в себя, и моему удивлению не было предела. – Дюпен, – серьезно сказал я, – это выше моего понимания. Признаюсь откровенно, вы меня совершеннейшим образом озадачили. Я просто поражен! Как вам удалось узнать, что я думал о... – Тут я замолчал, чтобы убедиться, что он действительно знает, о ком я думал.

– ...о Шантильи, – подхватил он. – Почему вы замолчали? Вы про себя отметили, что его небольшой рост не подходит для трагических ролей.

Именно об этом я и думал. Шантильи – *quondam*⁴ сапожник с улицы Сен-Дени, увлекшись сценой, попробовал себя в роли Ксеркса в одноименной трагедии Кребийона, но, несмотря на старание, получил разгромные отзывы критиков.

– Ради всего святого, – воскликнул я, – скажите, какой метод вы использовали... (если вы использовали какой-нибудь метод), чтобы вот так влезть мне в душу.

На самом деле удивлен я был даже больше, чем хотел показать.

– На мысль о том, – ответил мой друг, – что этот чинильщик подошв не обладает достаточным ростом, чтобы играть Ксеркса *et id genus omne*⁵, вас навел торговец фруктами.

– Торговец фруктами? Вы меня поражаете... Но я не знаю ни одного торговца фруктами.

– Человек, который столкнулся с вами, когда мы вышли на эту улицу... Минут пятнадцать назад.

Тут я вспомнил, что действительно какой-то торговец фруктами, несший на голове большую корзину с яблоками, случайно чуть не сбил меня с ног, когда мы сворачивали с С. на улицу, по которой сейчас шли. Тем не менее, какое отношение это имело к Шантильи, для меня оставалось загадкой.

Дюпен не имел склонности к *charlatanerie*⁶.

– Я объясню, – сказал он. – И, чтобы вам было понятнее, для начала мы восстановим ход ваших размышлений с той секунды, когда я заговорил, до самой *rencontre*⁷ с упомянутым торговцем. Основные звенья этой цепочки таковы: Шантильи, Орион, доктор Николь, Эпикур, стереотомия, булыжники, торговец фруктами.

Немного найдется людей, которые хотя бы раз в жизни не восстанавливали шаг за шагом ход своих мыслей, приведший их к тому или иному заключению. Это довольно увлекательное занятие, и тот, кто проделает это впервые, будет поражен тем, казалось бы, безграничным расстоянием и полным отсутствием связи между отправной точкой и последней мыслью. Можно представить, какое меня охватило удивление, когда я услышал эти слова француза и вынужден был признать, что они в точности соответствуют действительности. Он продолжил:

– Если я правильно помню, сворачивая с С., мы разговаривали о лошадях. Это последняя тема, которую мы с вами обсуждали. Когда мы выходили на улицу, мимо нас стремительно прошел торговец фруктами с большой корзиной на голове, он толкнул вас на кучу булыжников рядом с тем местом, где ремонтируют мостовую. Вы наступили на один из камней, поскользнулись, слегка растянули лодыжку, то ли рассердились, то ли расстроились, пробормотали несколько слов, повернулись, посмотрели на груду булыжников и молча пошли дальше. Я не следил за вами специально, но в последнее время у меня появилась привычка внимательно наблюдать за всем, что происходит рядом со мной. Вы шли, не под-

⁴ Бывший (*лат.*).

⁵ И ему подобных (*лат.*).

⁶ Шарлатанство (*фр.*).

⁷ Встреча (*фр.*).

нимая глаз с дороги, с раздражением поглядывая на дыры и выбоины в мостовой (я понял, что вы все еще думаете о камнях), пока мы не дошли до Ламартин, узкого переулочка, который в качестве эксперимента замостили находящими друг на друга и сколоченными блоками. Тут ваше лицо просветлело, и, заметив движение ваших губ, я не мог не понять, что вы пробормотали слово «стереотомия», термин, которым для пушей важности нарекли такой род мостовой. Я знал, что вы не могли, произнеся слово «стереотомия», не вспомнить об атомах, а значит, и об учении Эпикура. Поскольку, когда недавно мы обсуждали эту тему, я, кажется, говорил, каким удивительным образом смутные догадки этого достойнейшего грека нашли подтверждение в позднейшей небулярной космогонической теории (хотя почти никто не придавал этому значения), я подумал, что вы непременно должны посмотреть на огромную туманность в Орионе, и, разумеется, стал ждать, когда вы это сделаете. И вы действительно взглянули вверх, чем и дали мне понять, что я верно следую за ходом ваших мыслей. Но в той язвительной статейке о Шантильи во вчерашнем номере «Мюзик» автор позволил себе некоторые отвратительные замечания по поводу того, что сапожник, встав на котурны, попытался изменить само свое имя и вспомнил латинское высказывание, о котором мы с вами часто говорили. Я имею в виду «*Perdidit antiquum litera prima sonum*»⁸. Я объяснял вам, что эти слова относятся к Ориону, который раньше писался как Урион, и, поскольку мы пошутили по этому поводу, я посчитал, что вам это должно было запомниться и вы непременно соедините два понятия: Орион и Шантильи. Усмешка, скользнувшая по вашим губам, подсказала мне, что я не ошибся. Вы подумали о том, что несчастный сапожник стал жертвой бессердечного зоила. До сих пор вы все время шли сутулясь, но тут распрямили спину, вытянули шею, и я понял, что вам представилась миниатюрная фигурка Шантильи. В этот миг я и прервал ваши раздумья замечанием о том, что он, этот Шантильи, в самом деле очень невысок и ему лучше было бы попробовать себя в театре «Варьете».

Вскоре после этого мы как-то просматривали вечерний выпуск «Газетт де Трибюн», где наше внимание привлекла следующая заметка:

«Загадочные убийства»

Сегодня утром, около трех часов, жители квартала Сен-Рок были разбужены душераздирающими криками, доносившимися из окна пятого этажа одного из домов на улице Морг, в котором, как известно, проживали некая мадам Л'Эспанэ с дочерью мадемуазель Камиллой Л'Эспанэ. После некоторой задержки, вызванной безуспешными попытками попасть в здание обычным путем, в ход был пущен лом, дверь удалось взломать, и восемь – десять соседей в сопровождении двух жандармов проникли в дом. К этому времени крики прекратились, но бросившиеся наверх люди, пробегая первый лестничный пролет, услышали еще по меньшей мере два грубых голоса, которые как будто доносились из верхней части здания и, похоже, о чем-то яростно спорили. Когда достигли второго лестничного пролета, эти звуки стихли, и больше ничего не было слышно. Группа рассредоточилась, люди стали заглядывать во все комнаты. Когда дошли до большой комнаты в глубине дома (дверь ее оказалась заперта, ключ вставлен в замочную скважину изнутри, поэтому ее пришлось взламывать), открывшаяся картина не только ужаснула всех присутствующих, но и удивила.

В помещении царил полнейший беспорядок, сломанная мебель разбросана по всей комнате. Здесь была только одна кровать, снятая со стойки и брошенная на пол. На стуле лежала окровавленная бритва, к каминной полке, которая тоже была вся в крови, прилипли две или три длинных седых пряди человеческих волос, и, похоже, они были вырваны с корнем. На полу валялись четыре наполеондора, серьга с топазом, три большие серебряные

⁸ Первая буква уничтожила былое звучание (лат.).

ложки, три ложки поменьше из métal d'Alger⁹ и два мешка, в которых находилось почти четыре тысячи золотых франков. Ящики стоявшего в углу комода были выдвинуты, в них явно рылся грабитель, хотя многие вещи остались не тронутыми. Небольшой железный сейф обнаружили под постелью (не под кроватьной стойкой). Он был открыт, в двери все еще торчал ключ. Внутри сейфа ничего, кроме нескольких писем и других маловажных бумаг, не оказалось.

Никаких следов мадам Л'Эспанэ видно не было, однако, после того как в камине заметили необычное количество сажки, решили исследовать дымоход, и в нем (это даже жутко представить!) нашли труп дочери, головой вниз. Его с силой втолкнули на довольно большое расстояние по узкому проходу вверх, где он и застрял. Тело было еще теплым. Когда его осматривали, во многих местах обнаружили содранную кожу, что, несомненно, указывало на то, с какой силой его заталкивали в дымоход и извлекали оттуда. Лицо было жестоко исцарапано, на горле виднелись темные кровоподтеки и глубокие следы ногтей, как будто жертву задушили насмерть.

Проведя тщательный осмотр всего дома и более ничего не обнаружив, группа направилась на небольшой мощеный задний дворик, где оказался труп старшей из женщин. Ее горло было перерезано так, что, когда тело попытались поднять, голова оторвалась. И тело, и голова были страшно изувечены, причем первое до такой степени, что почти не напоминало человеческое.

Насколько нам известно, пока что нет ни малейшего ключа к решению этой страшной загадки».

На следующий день в той же газете появились дополнительные подробности:

«Трагедия на улице Морг

В связи с этим загадочным и жутким делом было опрошено множество человек, однако пока не обнаружилось ничего, что могло бы пролить на него свет. Ниже мы приводим все факты, которые удалось установить на основании свидетельских показаний.

Полина Дюбур, прачка, показывает, что была знакома с обеими погибшими три года, в указанный период стирала их вещи. Престарелая дама и ее дочь были в хороших отношениях, очень любили друг друга. Платили всегда исправно и щедро. О том, как и на какие средства они жили, ей неизвестно. Полагает, что мадам Л. зарабатывала предсказанием будущего. Поговаривают, что она откладывала деньги. В доме посторонних она не встречала, ни когда заходила забирать одежду в стирку, ни когда возвращала ее. Уверена, что слуг они не держали. Ни одна из комнат в доме, кроме той, что на пятом этаже, не меблирована.

Пьер Моро, владелец табачной лавки, показывает, что почти четыре года продавал небольшими порциями мадам Л'Эспанэ курительный и нюхательный табак. Сам он родился в этом же районе и всю жизнь прожил неподалеку. Погибшая и ее дочь занимали дом, где были найдены их тела, больше шести лет. До них там проживал ювелир, который сдавал верхние комнаты внаем. Само здание принадлежало мадам Л. Ей не понравилось, в каком порядке жилец содержал ее собственность, поэтому она сама вселилась в дом, вовсе отказавшись от сдачи комнат. Старуха, похоже, впала в детство. За последние шесть лет свидетель видел ее дочь раз пять или шесть. Женщины вели очень уединенный образ жизни. Ходили слухи, что у них водились деньги. В разговорах соседей слышал, что мадам Л. была гадалкой, однако не верил. Ни разу не видел, чтобы в дом входил кто-нибудь, кроме старухи, ее дочери, посыльного (раз, может быть, два) и врача (раз восемь – десять).

⁹ Алжирский металл (*фр.*).

Многочисленные другие свидетели и соседи дают примерно такие же показания. Никто не бывал в этом доме часто; есть ли у мадам Л. и ее дочери ныне здравствующие родственники, неизвестно. Ставни на окнах, выходящих на улицу, открывались редко; окна, выходящие на задний двор, были закрыты всегда. Единственное исключение – окно большой комнаты в глубине здания на пятом этаже. Сам дом не старый и в хорошем состоянии.

Изидор Мюзе, жандарм, показывает, что был вызван к дому около трех часов утра, увидел у двери два или три десятка человек, которые пытались проникнуть внутрь. Через какое-то время дверь удалось открыть с помощью штыка (не лома). Сделать это оказалось несложно, поскольку это двойная, или складная, дверь, и ни сверху, ни снизу на засовы закрыта не была. Крики продолжались все время, пока дверь взламывалась, а прекратились неожиданно. Похоже, что кричавший или кричавшие испытывали страшную боль: крики были громкими и затихающими постепенно, а не короткими и быстрыми. Свидетель первым устремился наверх. Дойдя до первой лестничной площадки, услышал два голоса, громко и раздраженно спорящих: один – хриплый и сердитый, второй – визгливый, очень странный. Разобрал несколько слов, произнесенных первым голосом, который явно принадлежал французу. Совершенно уверен, что первый голос не был женским. Разобрал слова „sacré“ и „diable“¹⁰. Визгливый голос принадлежал иностранцу. Сказать с уверенностью, мужской или женский голос, не может. Что произносил второй голос, не разобрал, но думает, что говорили по-испански. Состояние комнаты и тел свидетель описывает так же, как и мы во вчерашнем номере.

Анри Дюваль, сосед, по профессии серебряник, показывает, что был одним из первых, кто вошел в дом. В целом подтверждает показания Мюзе. После того как первой группе удалось проникнуть в подъезд, дверь снова заперли изнутри, чтобы не впустить толпу, которая быстро вырастала у входа, несмотря на столь ранний час. Визгливый голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу. Совершенно уверен, что не французу, однако утверждать, что голос был мужским, не может. Допускает, что голос мог быть женским. С итальянским языком не знаком. Слов не разобрал, но по звучанию совершенно точно определил, что говоривший – итальянец. С мадам Л. и ее дочерью был знаком лично, часто беседовал с обеими. Уверен, что визгливый голос не принадлежал ни одной из них.

Оденгеймер, ресторатор. Этот свидетель сам вызвался дать показания. По-французски не говорит, поэтому допрашивался через переводчика. Постоянно проживает в Амстердаме. Проходил мимо дома в то время, когда из него слышались крики. Продолжались они несколько минут, возможно, десять. Крики были продолжительными и громкими. Очень страшными, леденящими душу. Один из тех, кто первым вошел в дом. Подтверждает показания предыдущего свидетеля во всем, кроме одного. Уверен, что визгливый голос принадлежал мужчине, французу. Что было сказано, не разобрал. Голос был громким и быстрым, отрывистым. Говоривший явно был одновременно напуган и разозлен. Голос резкий, не столько визгливый, сколько резкий. Визгливым назвать такой голос не может. Хриплый голос несколько раз повторил „sacré“ и „diable“, один раз произнес „mon Dieu“¹¹.

Жюль Миньо, банкир, заведение „Миньо и сын“ на улице Делорен. Старший из Миньо. У мадам Л’Эспанэ были сбережения. Весной ... года (восемь лет назад) открыла счет в его банке. Часто вносила небольшие суммы, но ничего не снимала. Впервые взяла деньги за три дня до смерти, лично сняв со счета четыре тысячи франков. Эта сумма была выплачена золотом и доставлена на дом служащим банка.

Адольф Ле Бон, служащий банка „Миньо и сын“, показывает, что в тот день, около полудня, сопровождал мадам Л’Эспанэ до ее дома с четырьмя тысячами франков, уложен-

¹⁰ «Чертов», «дьявол» (фр.).

¹¹ О боже (фр.).

ными в два мешка. Когда дверь открыли, вышла мадемуазель Л. и приняла из его рук один из мешков, в то время как старшая из женщин взяла второй. После этого он попрощался и ушел. На улице в это время не заметил никого. Улочка маленькая, очень пустынная.

Вильям Берд, портной, показывает, что был в составе группы, первой проникшей в дом. Англичанин. В Париже проживает два года. По лестнице поднялся одним из первых. Слышал спорящие голоса. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал, но сейчас все вспомнить не может. Отчетливо услышал „sacré“ и „mon Dieu“. В какой-то момент слышал звук, как будто боролись несколько человек, звук драки, возни. Визгливый голос был очень громким, громче, чем хриплый голос. Уверен, что это был голос не англичанина. Больше похож на голос немца. Мог быть женским. Немецкого языка свидетель не знает.

Четверо из вышеуказанных свидетелей при повторном допросе показали, что дверь комнаты, в которой было найдено тело мадемуазель Л., когда группа до нее добралась, была заперта изнутри. Стояла полная тишина, не слышалось ни стонов, ни шума, ни каких-либо иных звуков. Когда дверь взломали, в комнате не оказалось никого. Окна и передней, и дальней комнаты были опущены и надежно заперты изнутри. Межкомнатная дверь закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая из коридора в переднюю комнату, была заперта изнутри на ключ, вставленный в замочную скважину со стороны комнаты. На том же пятом этаже в передней части здания в начале коридора имеется еще одна небольшая комната, дверь в нее была открыта. Эта комната завалена старыми кроватями, коробками и так далее. Все эти вещи аккуратно извлекли и внимательно осмотрели. Ни в одном из помещений здания не осталось и квадратного дюйма, который не осмотрели бы самым тщательным образом. Дымоходы проверили щетками. Здание пятиэтажное, с чердаками (мансардами). Люк, выходящий на крышу, крепко заколочен гвоздями, судя по его состоянию, не открывался уже несколько лет. Показания свидетелей относительно того, сколько прошло времени с момента, когда затихли спорящие голоса, до того, когда была взломана дверь в комнату, разнятся. Самое меньшее названное время – три минуты, самое большее – пять минут. Дверь удалось открыть с трудом.

Альфонсо Гарсио, гробовщик, показывает, что проживает на улице Морг. Испанец. Был в составе группы, вошедшей в дом. Наверх не поднимался: у него слабые нервы и ему нельзя волноваться. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Что было сказано, не разобрал. Визгливый голос принадлежал англичанину. В этом уверен. Английского языка не знает, но судит по звучанию.

Альберто Монтани, кондитер, показывает, что одним из первых поднялся по лестнице. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал. Говоривший как будто в чем-то упрекал другого. Слов, произнесенных визгливым голосом, не разобрал. Речь была быстрой и отрывистой. Думает, что это мог быть русский. Общие показания подтверждает. Итальянец. С русскими никогда не разговаривал.

Некоторые из опрошенных свидетелей припомнили, что дымоходы во всех комнатах на пятом этаже были слишком узкими, чтобы через них мог протиснуться человек. Под „щетками“ подразумевались цилиндрические щетки, которыми пользуются трубочисты для прочистки труб. Эти щетки были пропущены через все трубы в здании. Черного хода, по которому кто-нибудь мог бы спуститься, пока группа поднималась наверх, нет. Тело мадемуазель Л. было так крепко втиснуто в дымоход, что извлечь его оттуда удалось только совместными усилиями четырех-пяти человек.

Поль Дюма, врач, показывает, что его вызвали освидетельствовать тела примерно на рассвете. Когда он прибыл, оба тела лежали на матрасе, снятом с кровати в той комнате, в которой нашли труп мадемуазель Л. Тело младшей из женщин было сильно ободрано и имело множественные ссадины и кровоподтеки. Тот факт, что ее затолкали в дымоход,

вполне объясняет появление подобных следов. На горле имелись особенно сильные ссадины. Прямо под подбородком заметил несколько глубоких царапин рядом с несколькими синевато-багровыми пятнами, наверняка следами пальцев. Лицо было совершенно белым, глазные яблоки вылезли из орбит. Язык частично прокушен. На подложечной ямке обнаружил большой синяк, очевидно, оставленный коленом. По мнению месье Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ была задушена насмерть неизвестным лицом или лицами. Труп матери был страшно изувечен. В той или иной степени пострадали все кости правой ноги и руки. Левая tibia¹² во многих местах раздроблена, так же как и большинство ребер с левой стороны. Все тело покрыто большими синяками и ссадинами. Определить, что могло нанести такие травмы, невозможно. Тяжелая деревянная дубинка или широкий железный прут, стул, любой большой, тяжелый и тупой предмет мог оставить такие следы, если бы находился в руках очень сильного мужчины. Женщина нанести удары такой силы не смогла бы никаким оружием. Голова жертвы, когда ее осматривал свидетель, была полностью отделена от тела и тоже сильно пострадала. Горло перерезано очень острым предметом, возможно, бритвой.

Александр Этьенн, хирург, был вызван для осмотра тел вместе с месье Дюма. Показания и выводы месье Дюма подтверждает.

Было опрошено еще несколько человек, но более никаких существенных дополнений не получено. В Париже еще не совершалось убийства более загадочного и необъяснимого... если убийство это было совершено человеческими руками. Полиция в полной растерянности, что очень необычно для такого рода дел. Нет ни единой зацепки, которая могла бы подсказать хоть какое-нибудь решение».

В вечернем выпуске газеты сообщалось, что жители квартала Сен-Рок по-прежнему обеспокоены, что проведен повторный осмотр места преступления, и свидетелей допросили еще раз, но это не дало никаких результатов. Лишь в дополнении к статье указывалось, что был задержан и взят под стражу Адольф Ле Бон, хотя, кроме фактов, уже изложенных, ничто не указывает на его причастность к этому делу.

Дюпена, похоже, необычайно заинтересовал ход расследования. По крайней мере, так мне показалось по его поведению, поскольку сам он не говорил ничего. Только после того, как стало известно об аресте Ле Бона, он спросил у меня, что я думаю об этих убийствах.

Я мог только согласиться с остальными парижанами в том, что они представляются неразрешимой загадкой. Я не видел ровным счетом ничего, что могло бы вывести на след убийцы.

— Мы не должны судить о том, что произошло, — сказал Дюпен, — по результатам осмотра места происшествия. Парижская полиция, которую так превозносят за ее «догадливость», на самом деле всего лишь пронырлива и не более того. Действия ее совершенно лишены методичности, они видят не дальше собственного носа и думают только о том, что происходит сейчас, в данную минуту. Они трубят на весь свет о том, что принимаются все необходимые «меры» и «шаги», но в действительности меры эти часто настолько не соответствуют решаемым вопросам, что поневоле вспоминаешь месье Журдена, который *pour mieux entendre la musique*¹³ требовал подать свой *robe de chambre*¹⁴. Не так уж редко результаты их работы вправду удивляют, но чаще всего за этим стоят всего лишь усердие и настойчивость. Когда эти качества не приносят плодов, все их расчеты идут насмарку. Видок, к примеру, был догадлив и деятелен. Но, не обладая тренированным мозгом, он постоянно ошибался, и причиной этому был именно напор, с каким он подходил к расследованию. Он слишком

¹² Большая берцовая кость (лат.).

¹³ Чтобы лучше воспринимать музыку (фр.).

¹⁴ Халат (фр.).

пристально всматривался в одну точку и этим ограничивал свое же поле зрения. Что-нибудь одно он видел необычайно ясно, но при этом обязательно терял из виду общую картину. Я хочу сказать, что, когда копаешь слишком глубоко, это тоже не всегда правильно. Правда не всегда обитает на дне колодца. Я даже могу сказать, что, когда речь идет о более серьезных областях знаний, искать ее всегда надо на поверхности. Глубина находится в долинах, в которых мы ищем ее, а не на вершинах гор, с которых мы ее видим. Есть прекрасный пример того, какие бывают виды и источники ошибок такого рода. Это созерцание небесных тел. Если бросать на звезду быстрые взгляды, направленные чуть-чуть в сторону (то есть обратить на нее наружный край сетчатки, более восприимчивый к слабым световым образам, чем внутренний, что дает возможность увидеть ее отчетливее, чем если смотреть прямо на нее), то блеск звезды воспринимается полностью, и чем «прямее» наш взгляд, тем более тусклым становится блеск. При этом во втором случае на глаз падает большее количество лучей, но в первом восприятие их чище. Излишней вдумчивостью мы усложняем работу мысли и ослабляем ее. Даже Венера может исчезнуть с небесного свода, если всматриваться в нее слишком внимательно, слишком долго или слишком прямо.

Что касается этих убийств, давайте-ка мы сами осмотрим место происшествия, прежде чем делать какие-либо выводы. Думаю, это будет забавно (мне показалось, в данном случае слово это не очень к месту, но я промолчал), и кроме того, Ле Бон однажды оказал мне услугу, за которую я ему благодарен. Поедем, увидим все собственными глазами. Я знаком с Г., префектом полиции, так что получить необходимое разрешение будет несложно.

Разрешение было получено, и мы, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же отправились на улицу Морг. Это одна из самых захудалых улочек между улицами Ришелье и Сен-Рок. Район этот расположен достаточно далеко от того квартала, где жили мы, поэтому до места мы добрались уже довольно поздно. Сам дом разыскать было нетрудно, поскольку напротив него до сих пор еще стояла группа зевак, с любопытством глазевших на его закрытые ставнями окна. Это был самый обыкновенный парижский дом с маленьким подъездом, рядом с которым стояла застекленная будка с поднимающейся панелью в окне, *loge du concierge*¹⁵. Прежде чем войти, мы прошли дальше по улице, свернули в переулок, потом снова свернули и оказались с задней стороны дома. При этом Дюпен осматривал окрестности и само здание с пристальным вниманием, которому я не находил объяснения.

Снова выйдя на улицу, мы подошли к двери, позвонили, и, после того как предъявили дежурным соответствующее разрешение, нас пустили. Мы поднялись на пятый этаж, в ту комнату, где было найдено тело мадемуазель Л'Эспанэ и где до сих пор еще лежали оба трупа. Как обычно, в комнате был сохранен беспорядок. Все, что я увидел, в точности совпадало с описанием в «Газетт де Трибюн». Дюпен тщательно все исследовал, в том числе и тела жертв, после чего мы прошли в другую комнату, потом спустились во двор. Все это время рядом с нами находился жандарм. Осмотр продолжался дотемна, потом мы ушли. По пути домой мой компаньон ненадолго заглянул в редакцию одной из дневных газет.

Я уже упоминал о многочисленных причудах моего друга и о том, что *je les ménageais*¹⁶ (в английском языке нет точного соответствия этой фразе). Теперь ему почему-то пришло в голову обрывать все мои попытки начать разговор об убийстве; заговорил он о нем только на следующий день, в полдень, неожиданно спросив, не заметил ли я чего-нибудь «особенного» на месте преступления.

Не знаю почему, но то, как он произнес слово «особенного», заставило меня вздрогнуть.

¹⁵ Привратническая (*фр.*).

¹⁶ Я им потакал (*фр.*).

– Нет, ничего «особенного» я не заметил, – ответил я. – По крайней мере, ничего такого, чего бы мы уже не знали из газеты.

– Боюсь, что «Трибюн», – сказал он, – не постигла всей необычности этого ужасного происшествия. Но давайте забудем досужие домыслы сего издания. У меня создается впечатление, что эту загадку считают неразрешимой по той самой причине, которая в действительности указывает на то, что дело это очень простое. Я имею в виду саму чудовищность преступления. Полицию поставило в тупик отсутствие мотива, но объясняющего не само убийство, а его жестокость. Кроме того, они никак не могут сопоставить спорившие голоса с теми фактами, что наверху не оказалось никого, кроме убитой мадемуазель Л'Эспанэ, и что не было способа покинуть комнату, оставшись не замеченным поднимающейся по лестнице группой. Полный разгром комнаты, труп, засунутый вниз головой в дымоход, жуткие раны старшей из женщин – этих соображений вместе с уже упомянутыми и другими, которые мне нет нужды перечислять, хватило, чтобы парализовать силы полиции и лишить хваленой проницательности лучших правительственных агентов. Они допустили грубую, но распространенную ошибку – сочли необычное трудным для понимания. Но ведь именно благодаря таким отклонениям от обычного разум и находит путь к истине, если это вообще происходит. В расследованиях, подобных тому, которым мы сейчас занимаемся, стоит задаться вопросом не «Что случилось?», а «Что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». В сущности, легкость, с которой я приду, вернее, уже пришел к разгадке этой тайны, прямо пропорциональна ее кажущейся неразрешимости в глазах полиции.

Я ошеломленно уставился на своего друга, от удивления не в силах вымолвить ни слова.

– Сейчас я ожидаю, – продолжил он, взглянув на дверь комнаты, – ожидаю человека, который, возможно, и не совершал этой бойни, но некоторым образом причастен к ней. Вероятно, в худшей части преступлений он не повинен. Надеюсь, что я прав в этом предположении, поскольку именно на нем основывается мое прочтение этой загадки. С минуты на минуту я ожидаю увидеть его здесь, в этой комнате. Правда, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет, и, если он явится, его нужно будет задержать. Вот пистолеты, и мы с вами оба знаем, как пустить их в дело, если того потребуют обстоятельства.

Я взял пистолет, с трудом понимая, что делаю, и не веря своим ушам, а Дюпен продолжил рассуждения, больше напоминающие сценический монолог. Я уже отмечал, что в такие минуты он словно бы уходил в себя. Слова его были адресованы мне, но голос, хоть и совсем не громкий, звучал так, будто он говорил для кого-то, находившегося на значительном расстоянии. Взгляд его, не выражающий никаких чувств, был обращен на стену.

– То, что спорящие голоса, – сказал он, – которые слышала поднимавшаяся по лестнице группа людей, не принадлежали женщинам, полностью подтверждено показаниями. То есть вопрос, могла ли старуха сначала лишить жизни дочь, а потом совершить самоубийство, отпадает. Об этом я говорю исключительно ради того, чтобы быть методичным, поскольку мадам Л'Эспанэ не могла обладать силой, достаточной для того, чтобы затолкать труп дочери в дымоход таким образом, и характер ран, обнаруженных на ее собственном теле, полностью исключает возможность самоубийства. Следовательно, убийство было совершено третьей стороной, и именно ссору участников этой третьей стороны слышали свидетели. Давайте теперь обратимся... не к общим показаниям относительно услышанных голосов, а к тому «особенному», что в них имеется. Вы заметили в них что-нибудь особенное?

Я ответил, что все свидетели единодушно утверждали, что хриплый голос принадлежал французу, но мнения о том, кому принадлежал визгливый, или, как назвал его один человек, «резкий» голос, значительно разошлись.

– Вы говорите о самих показаниях, – сказал Дюпен, – но не об их особенности. То есть ничего необычного вы не заметили. Тем не менее в них было кое-что необычное. Свидетели, как вы отметили, соглашались насчет хриплого голоса, тут вопросов нет. Но, что касается визгливого голоса, особенность заключается не в том, что показания разнятся, а в том, что итальянец, англичанин, испанец, голландец и француз, пытаясь его описать, приписывали его иностранцу. Каждый из свидетелей уверен, что этот голос не мог принадлежать его соотечественнику. Каждый из них сравнивает его со звучанием не какого-то знакомого ему иностранного языка, а, наоборот, незнакомого. Француз полагает, что это голос испанца, и «разобрал бы несколько слов», если бы понимал испанский. Голландец приписывает его француз, но мы знаем, что этот свидетель «французского языка не понимает, поэтому допрашивался через переводчика». Англичанин думает, что это голос немца, хотя «немецкого языка не знает». Испанец не сомневается, что голос принадлежал англичанину, но судит исключительно по его звучанию. Итальянец считает, что это был голос русского, хотя «с русскими никогда не разговаривал». Второй француз расходится во мнении с первым и склоняется к тому, что это был голос итальянца, но, «не владея этим языком», как и испанец, судит «по его звучанию». Представьте, как необычно должен был звучать этот голос, чтобы вызвать такой сумбур в показаниях! Чтобы представители пяти стран Европы не слышали в нем ничего знакомого! Возможно, вы возразите, что это мог быть голос азиата или африканца. В Париже не так уж много азиатов и африканцев, но, не отрицая напрашивающегося вывода, я просто хочу привлечь ваше внимание к трем пунктам. Один из свидетелей называет голос «скорее резким, чем визгливым». Двое других указывают на то, что голос был «быстрым и отрывистым». Никто из свидетелей не услышал ни слов, ни звуков, похожих на слова.

– Мне не известно, – продолжил Дюпен, – какое впечатление производят на вас мои рассуждения, но я нисколько не сомневаюсь, что даже этой части показаний (части, в которой говорится о хриплом и визгливом голосах) достаточно для того, чтобы сделать обоснованные выводы, которые сами по себе могут навести на подозрение, способное направить расследование этой загадки в нужное русло. Я сказал «обоснованные выводы», но это выражение не в полной степени передает смысл того, что я имел в виду. Я хотел сказать, что эти выводы – единственно верные и что подозрение возникает неизбежно, как единственный результат. Впрочем, я пока умолчу о том, что это за подозрение. Я только хочу, чтобы вы помнили, что оно придало определенную форму, некую направленность моим розыскам в той комнате, где были совершены убийства.

Теперь давайте мысленно перенесемся в эту комнату. Что нас здесь интересует в первую очередь? То, каким образом убийцы ее покинули. Не будет преувеличением сказать, что ни вы, ни я не верим в сверхъестественное. Мадам и мадемуазель Л'Эспанэ были убиты не духами. Те, кто это сделал, были существами материальными и должны были уйти с места преступления согласно законам материального мира. Но как? К счастью, ответ на этот вопрос можно искать только в одном направлении. Давайте последовательно рассмотрим все способы, которыми можно было покинуть комнату. Ясно, что убийцы находились в комнате, где было обнаружено тело мадемуазель Л'Эспанэ (или, по крайней мере, в соседней комнате), когда группа поднималась по лестнице. Следовательно, нас интересуют только эти две комнаты. Полиция сняла всю обивку с полов, потолков и стен, и если бы там был какой-нибудь тайный ход, он бы не укрылся от их внимания. Однако, не доверяя им, я сам там все осмотрел. Тайных ходов в этих комнатах действительно нет. Обе двери, ведущие из комнат в коридор, были заперты на ключ изнутри. Обратимся к дымоходам. Они имеют обычную ширину, но футах в восьми – десяти над каминами сужаются настолько, что через них не пройдет и большая кошка. Следовательно, поскольку выход через них совершенно невозможен, остаются только окна. Через окна передней комнаты никто не мог выбраться неза-

меченным, поскольку на улице к тому времени уже собралась толпа и беглецов наверняка увидели бы. Значит, убийцы должны были выйти через заднюю комнату, с окнами во двор. Итак, придя к этому однозначному заключению, мы, как люди мыслящие, не должны отвергать его на том основании, что это кажется невозможным. Нам остается лишь доказать, что эта «невозможность» на самом деле мнимая.

В этой комнате два окна. Одно из них не загорожено мебелью и полностью доступно. Нижняя часть второго закрыта спинкой кровати, которая стоит к нему впритык. Первое из них было прочно закрыто изнутри. Никто из тех, кто пытался его открыть, не смог этого сделать. Как оказалось, на его раме, с левой стороны, просверлено большое отверстие, в которое вставлен толстый гвоздь почти по самую шляпку. При осмотре второго окна было обнаружено такое же отверстие, куда был вставлен точно такой же гвоздь. Все попытки поднять раму этого окна также не увенчались успехом. Это полностью убедило полицию, что искать следы побега нужно в другом месте. Поэтому они и решили, что извлекать гвозди и открывать окна не имеет смысла.

Мой осмотр был более тщательным, и причину этого я только что указал: я знал, что то, что кажется невозможным, на самом деле таким не является.

Я стал рассуждать *a posteriori*¹⁷. Убийцы наверняка скрылись через одно из этих окон. И в этом случае они не могли закрепить раму изнутри (а ведь обе рамы были закреплены). Очевидность этого соображения пресекла дальнейшие поиски полиции в этом направлении. И все-таки обе рамы были закреплены. Значит, каким-то образом они должны закрываться автоматически. Этот вывод неизбежен. Я встал на свободный подоконник, с некоторым усилием извлек гвоздь и попытался поднять раму. Как я и ожидал, моим усилиям она не поддавалась. Я понял, что должна существовать потайная пружина. Эта догадка, по крайней мере, не опровергла моих изначальных предположений, несмотря на то что еще не было ясности с гвоздями. После внимательного осмотра я нашел пружину. Когда я нажал на нее и увидел, что она сработала, раму уже можно было не поднимать.

После этого я вернул на место гвоздь, предварительно внимательно его осмотрев. Тот, кто пролез через это окно, мог опустить за собой раму, и пружина закрыла бы ее, но гвоздь не мог сам встать на прежнее место. Вывод был очевиден, и он еще больше сужал круг моих изысканий. Убийцы бежали через второе окно. Если предположить, что потайные пружины на обоих окнах имели одинаковое устройство (что вполне вероятно), значит, разницу нужно было искать в гвоздях, или, по крайней мере, в том, как они крепились. Взобравшись на матрац, я внимательнейшим образом изучил ту часть рамы, которая находилась за спинкой кровати. Запустив туда руку, я нащупал потайную пружину и нажал. Как я и думал, она сработала точно так, как и ее соседка на другом окне. После этого я перешел к осмотру гвоздя. Он был таким же толстым, как и первый, и в отверстие вставлен точно так же, почти по самую шляпку.

Наверняка вы решите, что меня это озадачило, но, если подобная мысль пришла вам в голову, значит, вы не понимаете самой сути индуктивного мышления. Если говорить языком охотников, я ни разу «не потерял след». Во всей цепочке умозаключений не было ни единого слабого звена. Я проследил загадку до ее источника, и источником этим оказался гвоздь. Выглядел он в точности так же, как гвоздь в соседнем окне, но этот факт, каким бы убедительным он ни казался, не значил ровным счетом ничего по сравнению с моей уверенностью в том, что именно в этом предмете заключался ключ к разгадке всей тайны. «Что-то с этим гвоздем не так», – сказал я сам себе, прикоснулся к нему и легко вытащил из отверстия. Под шляпкой был примерно дюйм стержня, остальная его часть, отломанная, оставалась внутри рамы. Сломан гвоздь был давно, на это указывала ржавчина на краях слома, и сломали его

¹⁷ На основании опыта (лат.).

ударом молотка, который к тому же частично утопил шляпку в отверстие на верхней части нижней рамы. Я вернул этот обломок на место, и в таком положении он не отличался от целого гвоздя. Трещины видно не было. Нажав на пружину, я осторожно приподнял раму на несколько дюймов, шляпка гвоздя поднялась вместе с ней, оставаясь при этом на своем месте. Я закрыл окно, и снова гвоздь выглядел как целый.

Таким образом, загадка была решена. Убийца сбежал через окно над кроватью. Рама захлопнулась под собственным весом (или же была опущена намеренно), и потайная пружина защелкнулась. Ее противодействие полиция приняла за противодействие гвоздя, поэтому и посчитала дальнейшее обследование окна необязательным.

Следующий вопрос: каким образом убийцам удалось спуститься? Наша с вами прогулка вокруг здания дала мне удовлетворительный ответ. Примерно в пяти с половиной футах над интересующим нас подоконником проходит громоотвод. С него перебраться на окно, не говоря уже о том, чтобы проникнуть через него в дом, совершенно невозможно. Однако я обратил внимание на то, что на четвертом этаже на окнах установлены ставни того типа, который парижские плотники называют «*ferrades*»¹⁸. Сейчас такие ставни мало кто ставит, но на старых домах в Лионе и Бордо их можно видеть достаточно часто. Они имеют форму обычной двери (одинарной, не двустворчатой), только нижняя часть у них зарешечена или имеет сквозные отверстия наподобие шпалеры, идеально подходящие для того, чтобы за нее можно было ухватиться руками. В нашем случае эти ставни довольно широкие, три с половиной фута. Когда мы видели их, обходя дом с задней стороны, на обоих окнах они были наполовину открыты, то есть выступали из стены под прямым углом. Возможно, полицейские тоже осматривали дом с тыльной стороны, но если и так, то, глядя на эти «*ferrades*» в поперечном разрезе (скорее всего, так и было), они не обратили внимания на их необычную ширину, во всяком случае, не придали этому значения. Я не ошибусь, если скажу, что, придя к выводу о невозможности бегства через эти окна, ставни, естественно, внимательно осматривать они не стали. Мне же стало совершенно ясно, что ставень над кроватью, если его открыть полностью, так, чтобы он прислонился к стене, оказывался всего лишь в двух футах от громоотвода. К тому же было видно, что при наличии определенной сноровки и смелости при таком расположении ставня с громоотвода можно проникнуть в комнату через окно. С расстояния два с половиной фута (допустим, ставень был открыт полностью) грабитель мог ухватиться за прорези в его нижней части, потом отпустить громоотвод и упереться ногами в стену, после чего оттолкнуться от нее и перелететь на ставне к окну. Если предположить, что рама окна в это время была поднята, он мог даже качнуться и влететь прямо в комнату.

Я хочу, чтобы вы обратили особенное внимание на то, что проделать такой сложный и опасный трюк можно, лишь обладая очень большой ловкостью. Пока что моя цель – доказать вам, что, во-первых в принципе это возможно. А во-вторых (и это главное), я хочу, чтобы вы представили себе, какое поразительное, прямо-таки сверхъестественное проворство для этого требуется.

Несомненно, вы скажете, что, выражаясь языком адвокатов, «в моих интересах» недооценить трудность подобной затеи, а не настаивать на ее сверхсложности. Для суда это, может быть, обычное дело, но для здравого разума такой подход неприемлем. Моя единственная цель – истина. Сейчас мне нужно подвести вас к тому, чтобы вы сопоставили «очень большую ловкость», о которой я только что говорил, с «очень необычным» визгливым (или резким) и «неровным» голосом, который вызывал такие разногласия в показаниях свидетелей и в звучании которого не прослеживается разбиение на слоги.

После этих слов Дюпена в голове у меня забрезжила какая-то смутная, оформившаяся лишь наполовину догадка. Я словно находился на краю понимания, но был не в силах понять

¹⁸ Клейма (*фр.*).

все полностью. Так иногда кажется, что ты вот-вот что-то вспомнишь, но ничего не выходит. Мой друг тем временем продолжил рассказ:

– Как видите, от вопроса о выходе из здания я перешел к вопросу о входе в него. Я хотел показать, что они оба осуществлены одним и тем же способом, в одном и том же месте. Давайте вернемся к комнате. Вспомним, как она выглядела. Как говорилось в отчете, ящики комода были выдвинуты, в них явно рылись, хотя многие вещи остались нетронутыми. Но это не более чем догадка, причем довольно бестолковая. Откуда известно, что, кроме обнаруженного, в ящиках было что-то еще? Мадам Л'Эспанэ и ее дочь жили очень замкнуто, гостей не принимали, редко выходили из дома, богатый гардероб им был ни к чему. Вещи, найденные в комode, были довольно приличного качества, и вряд ли бы у этих дам было что-то более дорогое. Если грабитель вообще что-то забрал, почему он не взял лучшее? Почему не взял все? Короче говоря, почему вместо того, чтобы забрать четыре тысячи золотых франков, он стал возиться с грудой тряпок? Золото ведь осталось. Почти вся сумма, названная банкиром месье Миньо, найдена в мешках на полу. Исходя из этого, я хочу, чтобы вы выбросили из головы ошибочное представление о мотиве, которое сформировалось в мозгах полицейских на основании той части свидетельских показаний, где речь идет о деньгах, доставленных к двери дома. Совпадения в десятки раз более необычные, чем это (доставленные деньги и случившееся спустя три дня убийство получателя), происходят с каждым из нас постоянно, но мы на них даже не обращаем внимания. Вообще, совпадения – это настоящий камень преткновения для того разряда мыслителей, которым неведомо понятие теории вероятностей, а ведь именно этой теории обязаны основные отрасли человеческих изысканий своими самыми яркими примерами. В нашем случае, если бы золото исчезло, факт его доставки за три дня до убийства превратился бы в нечто большее, чем совпадение. Он стал бы подтверждением такого представления о мотиве. Однако при данных обстоятельствах дела, если мы предположим, что мотивом преступления было золото, нам придется признать, что злоумышленник оказался нерешительным идиотом, который попросту забыл забрать свою добычу.

Теперь, помня все те пункты, на которые я обращал ваше особое внимание (странный голос, необычайная ловкость и необъяснимое отсутствие мотива для столь зверского преступления), давайте рассмотрим, как происходили сами убийства. Женщина была задушена голыми руками, ее труп затолкали в дымоход вниз головой. Обычные убийцы так не поступают. И уж тем более не избавляются от тел своих жертв подобным образом. Вы только представьте, в каком положении труп находился в дымоходе. Я думаю, вы согласитесь, что в этом есть что-то... *outré*¹⁹... что-то совершенно выходящее за рамки нашего представления о поступках, на которые способен человек, пусть даже самый опустившийся. Подумайте также о том, какой силой нужно обладать, чтобы так затолкать тело в дымоход, что извлечь его оттуда удалось лишь совместными усилиями нескольких человек, и то с большим трудом.

Теперь давайте обратимся к еще одному примеру использования этой поразительной силы. На каминной полке лежали несколько густых прядей человеческих волос. Их вырвали с головы. Наверняка вы знаете, какая сила требуется для того, чтобы вырвать одновременно хотя бы двадцать – тридцать волосков. Вы не хуже меня видели эти пряди. На их корнях (действительно, жуткое зрелище!) остались куски кожи – верный признак того, какую невообразимую силу нужно было приложить для того, чтобы разом вырвать, возможно, полмиллиона волосков. Горло старухи было не просто перерезано, правильнее будет сказать, что ее голова была отсечена от тела, и сделано это было обычной бритвой. Воистину бесчеловечная жестокость, вы не находите? О кровоподтеках на теле мадам Л'Эспанэ я вообще не говорю.

¹⁹ Из ряда вон выходящее (*фр.*).

Месье Дюма и его многоуважаемый помощник месье Этьенн решили, что их оставило какое-то тупое орудие, и эти господа совершенно правы. Этим тупым орудием была каменная кладка во дворе, на которую упало тело из окна, расположенного над кроватью. Эта идея, какой бы простой она ни казалась, не пришла в голову полицейским по той же причине, по которой они не обратили внимания на ширину ставней: когда они увидели следы ногтей, мысль о том, что окна вообще могли открываться, уже не приходила им в голову.

Если ко всему этому добавить странный беспорядок в комнате, мы сможем соединить воедино необыкновенную ловкость, нечеловеческую силу, неистовую жестокость, полное отсутствие мотива, нелепость этого жуткого происшествия, своим зверством чуждого природе человека, и нечленораздельный голос, звучание которого не знакомо людям разных национальностей. Что из этого следует? Какое впечатление произвели на вас мои рассуждения?

Когда Дюпен задал мне этот вопрос, я содрогнулся от ужаса.

– Это сотворил сумасшедший, – сказал я. – Какой-нибудь обезумевший маньяк, сбегавший из ближайшего *maison de santé*²⁰.

– В некоторой степени ваше предположение не лишено смысла. Однако голоса сумасшедших, даже во время самых сильных припадков, не звучат так, как свидетели описывают визжащий голос. Безумцы ведь тоже имеют национальность, и речь их, какими бы бессмысленными ни были их слова, всегда поддается членению на слоги. К тому же волосы у сумасшедших не бывают похожими на те, которые я сейчас держу в руках. Я вытащил этот небольшой клочок из окоченевших пальцев мадам Л’Эспанэ. Что вы о них думаете?

– Дюпен! – ошеломленно воскликнул я. – Какие странные волосы... Но это не человеческие волосы!

– Я и не говорил, что они принадлежат человеку, – сказал он. – Однако, прежде чем мы разберемся с этим вопросом, я хочу, чтобы вы взглянули вот на этот небольшой набросок, который я начертил на бумаге. Он в точности воспроизводит то, что в одной части показаний было названо «темными кровоподтеками и глубокими следами от ногтей» на шее мадемуазель Л’Эспанэ, а в другой (в показаниях месье Дюма и Этьенна) – «синевато-багровыми пятнами, явно следами пальцев». Как видите, – продолжил мой друг, раскладывая на столе лист бумаги, – по данному рисунку можно определить, насколько крепкой была эта ужасная хватка. Не видно, чтобы пальцы хоть где-нибудь сместились. Они – возможно, до самой смерти жертвы – оставались на тех местах, куда попали изначально. А теперь попробуйте одновременно приложить пальцы к рисунку так, чтобы они попали на изображения.

Я попытался это сделать, но у меня ничего не вышло.

– Возможно, мы действуем не совсем правильно, – сказал он. – Бумага разложена на столе, но человеческая шея имеет цилиндрическую форму. Вот полено примерно такого же обхвата. Оберните бумагу вокруг него и попробуйте еще раз.

Я сделал это, однако попасть пальцами в указанные места оказалось еще труднее.

– Этот след, – заметил я, – был оставлен не человеческой рукой.

– А теперь, – ответил Дюпен, – прочитайте вот этот отрывок из Кювье.

Это было подробное анатомическое и общее описание большого бурого орангутанга, обитающего на Ост-Индских островах. Огромное тело, неимоверная сила и поразительная ловкость, злой нрав и склонность к подражательству этого млекопитающего достаточно известны всем. В голове у меня тут же сложилась жуткая картина убийства.

– Описание его пальцев, – сказал я, прочитав указанный отрывок, – полностью совпадает с вашим рисунком. Насколько я вижу, такие следы пальцев не могло оставить ни одно другое животное, кроме орангутанга данного вида. Этот клочок шерсти тоже похож на

²⁰ Сумасшедший дом (фр.).

шерсть зверя, которого описывает Кювье. Но мне по-прежнему ясны не все подробности этой страшной загадки. К тому же слышали-то два голоса, и один из них бесспорно принадлежал французу.

– Верно, очевидно, вы вспомните и те слова, которые этот голос произнес. Их услышали почти все, кто был тогда в доме. Это слова «mon Dieu!». Один из свидетелей (кондитер Монтани) в тех обстоятельствах совершенно справедливо описал их как выражение протеста или упрека. Вот эти-то два слова и дали мне надежду разгадать загадку. Француз знал, что произошло убийство. Возможно – даже очень вероятно, – что он никоим образом не причастен к той кровавой вакханалии, которая разыгралась в доме на улице Морг. Орангутанг мог просто сбежать от него. Может быть, француз гнался за ним до самой квартиры мадам Л’Эспанэ, но в сложившихся обстоятельствах не смог его поймать. Впрочем, все это лишь предположения. Я не стану развивать эту версию (назвать ее чем-то другим я не могу), поскольку те призрачные соображения, на которых она основывается, недостаточно глубоки для того, чтобы мой собственный разум принял их, и я не имею права считать, что кому-то другому они покажутся более убедительными. Итак, назовем это версией и будем относиться к ней соответственно. Если наш француз, как я полагаю, в самом деле не повинен в этом зверстве, объявление, которое вчера вечером, когда мы возвращались домой, я дал в «Ле Монд» (газете, посвященной вопросам судоходства, весьма популярной среди моряков), приведет его к нам.

Он протянул мне небольшую бумажку, и я прочитал следующее:

«ПОЙМАН в Булонском лесу ранним утром... – го числа (в день убийства) очень крупный рыжий орангутанг борнейского вида. Владелец (как установлено, моряк с мальтийского судна) может получить свою собственность обратно при условии удостоверения им своих прав и возмещения определенных убытков, связанных с поимкой и содержанием животного. Обращаться по адресу: предместье Сен-Жермен, улица ... дом №...au troisième»²¹.

– А откуда вы знаете, – спросил я, – что этот человек – моряк, да еще с мальтийского судна?

– Я этого не знаю, – сказал Дюпон. – И совсем в этом не уверен. Но вот небольшой обрывок ленточки. Судя по форме и по тому, как она засалена, ею, скорее всего, перевязывали волосы, сплетенные в косицу, как это любят делать матросы. Кроме того, она завязана морским узлом, характерным для мальтийцев. Я подобрал эту ленточку под громоотводом. Принадлежать одной из убитых она не могла. Если даже мои выводы относительно этой ленты окажутся ошибочными и наш француз в действительности не является моряком с мальтийского судна, вреда это не принесет. Если я ошибся, он просто подумает, что меня сбили с толку те или иные обстоятельства, в которые ему не нужно вникать. Но если я прав, это дает нам в руки хороший козырь. Знающий о преступлении француз, хоть он и не виновен, наверняка задумается, прежде чем откликнуться на объявление и явиться сюда за орангутангом. Он будет размышлять следующим образом: я невиновен; я – человек небогатый; мой орангутанг стоит немало, а в моем положении это вообще целое состояние; почему я должен терять его из-за каких-то глупых опасений? Вот же он, совсем рядом, только руку протяни. Поймали его в Булонском лесу, от места преступления это довольно далеко, и кому придет в голову подозревать в убийстве это существо? Полиция в тупике, у них нет ни одной зацепки. Даже если они выйдут на животное, им не удастся доказать, что я знал об убийстве. И самое главное: обо мне знают. Тот, кто дал это объявление, считает меня владельцем животного. Что ему еще известно, я не знаю. Если он знает, что хозяин орангутанга я, и если я не потребую вернуть столь ценную собственность, это может вызвать подозрение, по крайней мере, относительно животного. Мне незачем привлекать лишнее внимание к себе

²¹ Четвертый этаж (*фр.*).

или к зверю. Я откликнусь на объявление, заберу орангутанга и буду держать его в надежном месте, пока шум не уляжется.

И в это мгновение с лестницы донеслись шаги.

– Держите пистолет наготове, – шепнул мне Дюпен. – Но не показывайте его и не пускайте в дело, пока я не подам знак.

Входную дверь в здание мы оставили открытой, поэтому посетитель вошел без звонка и поднялся по лестнице на несколько ступенек, но потом, похоже, засомневался – шаги пошли вниз. Дюпен метнулся к двери, но тут шаги снова стали приближаться. Больше он не колебался и шел твердо, уверенно. Потом раздался стук в дверь.

– Входите, – непринужденным жизнерадостным голосом откликнулся Дюпен.

Человек вошел. Это был моряк, высокий, крепкий, мускулистый мужчина, судя по взгляду, отчаянный малый, но не сказать, чтобы отталкивающей наружности. Сильно загорелое лицо его было наполовину скрыто бакенбардами и пышными усами. В руке он держал толстую массивную дубовую трость, но другого оружия заметно не было. Он неуклюже поклонился и пожелал нам доброго вечера по-французски. Выговор его, хоть чем-то и смахивал на нефшательский, в целом выдавал в нем парижанина.

– Садитесь, друг мой, – сказал Дюпен. – Я полагаю, вы пришли за орангутангом. Верите ли, я почти завидую вам! Иметь такое прекрасное животное, да к тому же еще и дорогое, наверное. Как вы думаете, сколько ему лет?

Моряк глубоко вздохнул, как человек, сбросивший с себя тяжкий груз, и ответил уверенным голосом:

– Я не знаю, как это определить, но ему не больше четырех-пяти лет. Вы здесь его держите?

– Нет-нет, здесь у нас негде его держать, так что мы его оставили в платной конюшне на улице Дюбур, это недалеко. Вы получите его утром. Вам, конечно же, не трудно будет удостоверить свои права?

– Ясное дело, месье.

– Мне будет жаль с ним расстаться, – вздохнул Дюпен.

– О, не подумайте, что ваши труды пропадут даром, месье, – воскликнул человек. – За то, что вы нашли животное, я готов отблагодарить вас... В разумных пределах.

– Что ж, – ответил мой друг, – это справедливо. Надо подумать... Что бы попросить? О, знаю! В качестве благодарности вы мне расскажете все, что вам известно об убийствах на улице Морг.

Последние слова Дюпен произнес очень тихо и спокойно. Точно так же спокойно он подошел к двери, запер ее и опустил ключ в карман. После этого достал из внутреннего кармана пистолет и с совершенно невозмутимым видом положил его перед собой на стол.

Лицо моряка вспыхнуло, словно в приступе лихорадки. Он вскочил, схватился за трость, но тут же снова опустился на стул, задрожал всем телом и стал бледен как сама смерть. Он молчал, и мне даже стало искренне жаль его.

– Друг мой, – проникновенно произнес Дюпен, – вы тревожитесь совершенно напрасно, поверьте! Мы вовсе не хотим причинить вам зла. Я даю вам слово человека чести и француза, что вам ничего не грозит. Мне прекрасно известно, что вы не виновны в том, что произошло на улице Морг, хотя отрицать, что вы имеете к этому определенное отношение, нет смысла. Я думаю, вы уже поняли, что у меня есть некоторые источники информации касательно этого дела... Такие источники, которых вы даже представить себе не можете. Итак, дело обстоит следующим образом. Вы не сделали ничего такого, в чем могли бы себя упрекнуть... По крайней мере, ничего преступного. Вы даже ничего не взяли из той квартиры, хотя могли это сделать безнаказанно. Вам нечего скрывать. С другой стороны, законы чести обязывают вас рассказать все, что вам известно, поскольку сейчас в тюрьме сидит

невинный человек, которого обвиняют в преступлении, коего он не совершал, и именно вы можете указать истинного преступника.

Пока Дюпен говорил, моряк успел в значительной степени прийти в себя, но от его прежней самоуверенности не осталось и следа.

— Что ж, так и быть, — немного помолчав, промолвил он. — Я выложу вам все начистоту, и да поможет мне Бог... Да только вряд ли вы поверите хотя бы половине из того, что я расскажу... Не такой я дурак, чтобы на это надеяться. И все-таки я не виновен, поэтому расскажу все, что знаю, чем бы это мне ни грозило.

Рассказ его сводился к следующему. Не так давно он побывал на Индонезийском архипелаге. С компанией моряков высадился на Борнео и отправился на прогулку вглубь острова. Там он с одним товарищем и поймал орангутанга. Товарищ вскоре умер, поэтому он стал единственным хозяином животного. С огромными трудностями, вызванными крайне беспокойным характером и свирепостью своего пленника, ему все же удалось привезти обезьяну в Париж и поселить у себя дома, где, не желая привлекать к себе внимание любопытных соседей, он держал ее в тайне, дожидаясь, когда у нее заживет нога, в которую на корабле попала заноза. Животное он собирался продать.

Вернувшись ночью, а вернее утром, в день убийства домой после какой-то матросской пирушки, он увидел орангутанга у себя в спальне, куда тот вломился, выбравшись из соседнего чулана, где до сих пор был (как предполагалось) надежно заперт. С бритвой в руке и намыленной мордой, он сидел перед зеркалом и пытался бриться. Наверняка обезьяна повторяла движения хозяина, за которым подсмотрела через замочную скважину. Придя в ужас от вида такого опасного орудия в руках столь свирепого существа, которое к тому же достаточно разумно, чтобы пустить его в ход, моряк на какое-то время замер в нерешительности. Раньше ему всегда удавалось усмирять животное, даже когда у того случались неукротимые приступы бешенства, с помощью хлыста. За него он взялся и на этот раз. Увидев это, орангутанг в ту же секунду выскочил за дверь комнаты, скатился по лестнице вниз и оттуда через окно, которое, к несчастью, оказалось открытым, выпрыгнул на улицу.

Француз в отчаянии бросился за ним. Обезьяна, по-прежнему держа в руке бритву, отбегала на какое-то расстояние, останавливалась, размахивая руками и гримасничая, дожидаясь, пока преследователь оказывался совсем рядом, после чего отбегала дальше и снова останавливалась. Погоня эта продолжалась довольно долго. В три часа утра улицы, естественно, были безлюдны. На одном из переулков рядом с улицей Морг внимание беглеца привлек свет в открытом окне комнаты мадам Л'Эспанэ на пятом этаже ее дома. Бросившись к зданию, он схватился за громоотвод, необычайно проворно вскарабкался по нему наверх, взялся за ставень, полностью открытый и прислоненный к стене, и, повиснув на нем, влетел в окно напрямик к спинке кровати. Весь трюк занял не больше минуты. Устремившись в комнату, орангутанг оттолкнул ставень, и тот встал на место.

Моряка это обрадовало и одновременно смутило. Теперь у него появилась надежда наконец поймать зверя, поскольку единственным выходом из этой ловушки для него оставался все тот же громоотвод, на котором его можно было перехватить внизу. Но, с другой стороны, никто не знал, чем он решит заняться в доме, и это не могло не беспокоить. Эти соображения заставили человека пуститься следом за беглецом. Вскарabкаться по громоотводу не так уж сложно, тем более для моряка, однако, когда он поднялся на уровень окна, которое было слева от него, ему пришлось остановиться. Теперь большее, что он мог сделать, это немного податься вперед и рассмотреть часть комнаты. Сделав это, от ужаса удивленного он чуть не разжал руки и не упал на землю. Именно в этот миг и начались истошные вопли, которые разбудили обитателей улицы Морг. Мадам Л'Эспанэ с дочерью, обе в ночных сорочках, очевидно, были заняты тем, что складывали какие-то бумаги в упоминавшийся выше железный сейф, который выкатили на середину комнаты. Он был открыт, и содержи-

мое его лежало рядом на полу. Жертвы, должно быть, сидели спиной к окну, и, судя по тому, что крики начались не сразу после того, как зверь проник в комнату, вторжение это было сначала не замечено. Звук ударившегося о стену ставня, естественно, приписали порыву ветра.

Когда моряк заглянул в окно, огромное животное держало мадам Л'Эспанэ за волосы (распущенные, потому что она в это время причесывалась) и движениями брандиреа водило у нее перед лицом бритвой. Дочь лежала на полу не шевелясь – она была без чувств. Крики старухи и ее попытки вырваться (во время которых и были сорваны с головы волосы), очевидно, изменили первоначально миролюбивое настроение орангутанга и разозлили его. Одним резким взмахом мускулистой руки он чуть не отсек голову женщины от тела. Вид крови превратил недовольство в безумную ярость. Скрежеща зубами и дико сверкая глазами, он набросился на тело девушки и, впившись страшными когтями ей в горло, сжимал его до тех пор, пока несчастная не умерла. Мечущийся взгляд животного в этот миг упал на изголовье кровати, за которым в окне застыло окаменевшее от ужаса лицо его хозяина. Неистовство животного, которое, несомненно, вспомнило хлыст, тут же сменилось страхом. Понимая, что заслуживает наказания, орангутанг, похоже, решил скрыть свидетельства своего кровавого проступка. Он стал взволнованно метаться по комнате, опрокидывая и ломая мебель, стащил с кровати матрац и, в довершение, схватил сначала труп дочери и запихнул его в дымоход, где тот впоследствии был обнаружен, а потом сгреб тело старухи и выбросил в окно головой вперед.

Когда обезьяна приблизилась к окну с изувеченным телом, ошеломленный моряк отпрянул и не спустился, а скорее съехал вниз по громоотводу, после чего со всех ног бросился домой, с ужасом думая лишь о последствиях этой бойни и позабыв всякое волнение о судьбе своего питомца. «Разговор», услышанный на лестнице поднимающейся группой, был испуганным восклицанием француза и визгом разъяренного животного.

Мне почти нечего добавить. Орангутанг, скорее всего, выбрался из комнаты и спустился вниз по громоотводу за считанные секунды до того, как была взломана дверь. Оконная рама захлопнулась случайно, когда он пролезал через окно. Спустя некоторое время хозяин сам поймал его и продал Зоологическому саду, выручив большую сумму. Ле Бона освободили, как только мы изложили истинную суть дела (с некоторыми замечаниями Дюпена) в конторе префекта полиции. Однако этот чиновник, хоть и настроенный вполне благожелательно к Дюпену, не смог скрыть некоторого недовольства тем, как все обернулось, и не удержался от пары язвительных замечаний, смысл которых сводился к тому, что каждый должен заниматься своим делом.

– Пусть говорит что хочет, – сказал мне позже Дюпен, оставивший слова полицейского без ответа. – Он может ворчать сколько его душе угодно, ну а мне достаточно того, что я побил противника на его же территории. Впрочем, то, что он не смог разгадать эту загадку, вовсе не так удивительно, как ему кажется, поскольку наш друг префект, честно говоря, слишком хитер, чтобы мыслить глубоко. Мудрость его лишена «стержня». Это как бы одна голова без тела, как изображают богиню Лаверну... В лучшем случае голова и плечи, как у трески. И все же он – славный малый. Особенно я уважаю его за то, с каким мастерством он выставляет себя умником. Я имею в виду то, как он «*de nier ce qui est, et d'expliquer ce qui n'est pas*»²².

²² «Отрицает то, что есть, и растолковывает то, чего не существует». (Ж. – Ж. Руссо. «Новая Элоиза», второе предисловие.)

Тайна Мари Роже

Примечание автора

При первой публикации «Мари Роже» данные примечания показались излишними и напечатаны не были, однако спустя несколько лет после трагедии, которая легла в основу этого рассказа, было сочтено целесообразным все же дать их и добавить несколько слов, объясняющих общий замысел. Молодая девушка, Мэри Сесилия Роджерс, была убита в предместье Нью-Йорка, и, хоть смерть ее вызвала сильное и продолжительное волнение, тайна, окружающая ее, оставалась не разгаданной до того времени, когда этот рассказ был написан и вышел из печати (ноябрь 1842). На этих страницах, якобы рассказывая о судьбе некой молодой парижанки, автор в малейших подробностях воспроизвел главные обстоятельства этого преступления, но при этом в менее существенных подробностях настоящего убийства Мэри Роджерс ограничился лишь параллелями. Таким образом, все размышления, основанные на авторском тексте, применимы к действительности, ибо целью написания этого рассказа была попытка установить истину. Рассказ «Тайна Мари Роже» был написан вдали от того места, где все случилось на самом деле, и на основании исключительно тех материалов, которые можно было почерпнуть из газет. В связи с этим от внимания автора ускользнуло многое из того, что могло бы помочь ему в работе, если бы он побывал на месте преступления и в его окрестностях. Однако не будет лишним заметить, что признания двух лиц (одно из них в рассказе носит имя мадам Делюк), сделанные в разное время, задолго до публикации, подтвердили в полной мере не только общие заключения, но и все без исключения главные умозрительные догадки, на основании которых данные выводы и были сделаны.

* * *

Es gibt eine Reihe idealischer Begebenheiten, die der Wirklichkeit parallel läuft. Selten fallen sie zusammen. Menschen und Zufälle modifizieren gewöhnlich die idealische Begebenheit, so dass sie unvollkommen erscheint, und ihre Folgen gleichfalls unvollkommen sind. So bei der Reformation; statt des Protestantismus kam das Luthertum hervor.

Существуют идеальные последовательности событий, которые сосуществуют параллельно с реальными. Совпадают они редко. Люди и обстоятельства в основном влияют на идеальные сочетания событий, из-за чего те перестают быть совершенными так же, как утрачивают совершенство их последствия. Так произошло и с Реформацией, когда вместо протестантизма на сцену вышло лютеранство.

Новалис²³. *Moralische Ansichten*²⁴

Есть не так уж много людей, даже среди спокойнейших мыслителей, которые время от времени не испытывают нечто вроде полусознанного влечения к малопонятному и в то же время захватывающему миру сверхъестественного, вызванного совпадениями такого, казалось бы, поразительного характера, что разум просто отказывается воспринимать их как простые совпадения. Подобные чувства (поскольку то «полусознанное влечение», о котором я говорю, никогда не принимает форму полноценной мысли) лишь изредка удается целиком подавить, для этого приходится обращаться к доктрине случайности или к исчислению вероятностей, как она точно именуется. Исчисление это по сути своей является чисто математическим действием, и в данном случае мы видим пример того, как самая холодная и точная из наук применяется к плоскости всего самого эфемерного и призрачного, что есть в мысленных построениях.

Те невероятные подробности, которые я призван сделать достоянием гласности, в хронологическом отношении составляют ветвь первого порядка в серии труднообъяснимых совпадений, тогда как ветвь второго порядка, или конечную ветвь, читатель без труда соотнесет с убийством Мэри Сесилии Роджерс, совершенным недавно в Нью-Йорке.

Когда около года назад в статье, посвященной убийствам на улице Морг, я попытался охарактеризовать некоторые из выдающихся умственных особенностей своего друга шевалье Ш. Огюста Дюпена, у меня и в мыслях не было, что мне когда-нибудь снова придется вернуться к этой теме. Изображение его характера полностью соответствовало моему замыслу, а замысел этот в полной мере воплотился в жизнь благодаря череде безумных событий, которые послужили благодатной почвой для проявления отличительных особенностей Дюпена. Я мог бы привести и другие примеры, но посчитал, что это не имеет смысла, так как ничего нового я бы не доказал. Однако недавние события и их поразительное развитие заставили меня окунуться в подробности, которые могут показаться чем-то вроде вымученного признания. Если я рассказал о том, что слышал и видел так давно, было бы поистине странно, если бы я не вспомнил о том, что услышал совсем недавно.

Покончив с делом, связанным с трагической гибелью мадам Л'Эспанэ и ее дочери, шевалье тут же выбросил его из головы и снова впал в привычное для себя состояние меланхолии. Имея от природы склонность к рассеянной задумчивости, я с готовностью поддался

²³ Псевдоним фон Гарденберга. (Примеч. авт.)

²⁴ Нравственные воззрения (нем.).

его настроению, и мы, продолжая занимать квартиру в Сен-Жерменском предместье, оставили мысли о Будущем и погрузились в умиротворенную дрему, которую Настоящее наполняло безынтересными снами, сотканными из событий, происходящих в живущем вокруг нас своей скучной жизнью мире.

Впрочем, нельзя сказать, что дремота эта была непрерывной. Можно смело предположить, что та роль, которую мой друг сыграл в расследовании трагических событий на улице Морг, произвела большое впечатление на парижскую полицию. Благодаря ее стараниям имя Дюпен теперь было известно буквально каждому. О том, насколько просты были умозаключения, которые привели его к разгадке тайны, кроме меня, он не рассказал никому, даже префекту, поэтому нет ничего удивительного в том, что все это дело было воспринято почти как чудо и аналитические способности шевалье принесли ему славу человека, наделенного феноменальной интуицией. Его откровенность могла бы рассеять эти заблуждения, но ему было просто лень вновь касаться темы, к которой он давно утратил интерес. Случилось так, что он оказался в центре внимания официальных властей, и нередко его просили оказать помощь префектуре. Один из самых примечательных примеров – убийство молодой девушки по имени Мари Роже.

Это произошло спустя примерно два года после кровавых событий на улице Морг. Мари (имя и фамилия которой так похожи на имя и фамилию несчастной продавщицы из табачного магазина) была единственной дочерью вдовы Эстеллы Роже. Отец ее умер, когда она была еще совсем маленькой, и с тех пор Мари с матерью почти все время до убийства, которое является главной темой этого повествования, жили вместе на улице Паве-Сент-Андре²⁵. Впервые расстались они за полтора года до трагедии. Мадам держала пансион, а Мари ей помогала, и все шло хорошо, пока девушка, когда ей пошел двадцать второй год, своей необычайной красотой не привлекла к себе внимание некоего парфюмера, арендовавшего в цокольном этаже Пале-Рояль магазинчик, покупателями которого были в основном отчаянные искатели легкой наживы – многочисленные обитатели того района. Месье Ле Блан²⁶ догадывался, какую выгоду может принести ему присутствие в его парфюмерном магазине прекрасной Мари. Его щедрые предложения девушкой были восприняты весьма охотно, хотя мать проявила некоторое колебание.

В конце концов ожидания парфюмера оправдались, и в скором времени его магазинчик озаарило присутствие очаровательной и жизнерадостной гризетки. Примерно через год работы поклонники девушки были озадачены ее неожиданным исчезновением из магазина. Месье Ле Блан не мог объяснить ее отсутствия, и обеспокоенную мадам Роже охватил ужас. Дешевые газеты тут же подхватили эту тему, и полиция уже собиралась начать серьезное расследование, когда в одно прекрасное утро, спустя неделю, Мари в добром здравии, хотя и в несколько расстроенных чувствах, вновь появилась на своем рабочем месте за прилавком парфюмерного магазина. Все официальные поиски были, разумеется, тут же прекращены. Месье Ле Блан, как и раньше, утверждал, что ему ничего не известно, а сама Мари, как и мадам, на все вопросы отвечала, что прошлую неделю провела в деревне у родственников. Постепенно волнение улеглось, и об этом деле забыли. Девушка, которую явно тяготило повышенное внимание к своей персоне, в скором времени распрощалась с хозяином парфюмерной лавки и возвратилась в дом матери на улице Паве-Сент-Андре.

После этого происшествия прошло примерно пять месяцев, когда друзей девушки взволновало ее новое неожиданное исчезновение. Минуло три дня, но о ней ничего не было

²⁵ Нассау-стрит. (Здесь и далее автор дает в сносках реальные имена и названия, связанные с убийством Мэри Сесилии Роджерс.)

²⁶ Андерсон. (Примеч. авт.)

слышно. На четвертый день ее труп выловили в Сене²⁷ у берега, противоположного тому, на котором расположена улица Паве-Сент-Андре, недалеко от пустынных окрестностей заставы дю Руль²⁸.

Жестокость убийства (а то, что это убийство, стало понятно сразу), молодость и красота жертвы и, что самое главное, связанная с ней ее прежняя загадочная неизвестность необычайно обеспокоили чувствительных парижан. Мне не приходит на ум какой-либо другой подобный случай, который произвел бы такое же всеобщее и сильное впечатление. На несколько недель, пока обсуждалось это страшное происшествие, были забыты даже самые важные и насущные политические вопросы. Префект принял необычайные меры для раскрытия этого преступления, была поставлена на ноги вся парижская полиция.

После того как нашли труп, никто не сомневался, что убийце не удастся долго скрываться от организованного по горячим следам следствия. Лишь спустя неделю было принято решение назначить вознаграждение за помощь в его поимке, но даже тогда сумма этого вознаграждения составила лишь тысячу франков. Тем временем расследование шло полным ходом, если не всегда со здоровой рассудительностью, то с необыкновенной энергией. Было опрошено множество людей, но безрезультатно. Полное и постоянное отсутствие каких бы то ни было ключей к разгадке этой тайны послужило причиной того, что всеобщее возбуждение значительно усилилось. Вечером на десятый день решили, что будет целесообразно удвоить сумму вознаграждения, предложенную изначально. В конце концов, когда миновала еще неделя и дело дошло до серьезных уличных émeute²⁹, в которых вылилось издавна существующее в Париже предубеждение против полиции, префект от своего имени предложил двадцать тысяч франков «за поимку убийцы» или, если окажется, что к этому делу причастно несколько человек, «за поимку любого из убийц». В объявлении сообщалось об этом вознаграждении и также было обещано помилование любому из соучастников преступления, который сообщит об истинном убийце. В довершение всего, везде, где появлялось это сообщение, к нему добавлялась листовка от комитета горожан, обещавшая десять тысяч франков вдобавок к сумме, назначенной префектурой. Таким образом, в целом вознаграждение составило не меньше тридцати тысяч франков, сумма невероятная, если принять во внимание скромное положение девушки и тот факт, что в больших городах преступления, подобные описанному, случаются довольно часто.

Теперь уже никто не сомневался, что тайна этого убийства скоро будет раскрыта. Однако, несмотря на несколько арестов, которые, казалось, должны были пролить свет на эту загадку, ничего, что указывало бы на виновность подозреваемых, так и не выявили, поэтому их пришлось отпустить.

Это покажется странным, но миновала третья неделя с того дня, когда обнаружили тело, очередная неделя, не принесшая никаких результатов, когда слухи об этом деле, взбудоражившем весь город, дошли до нас с Дюпенем. Занятые исследованиями, целиком занимавшими наше внимание, ни он, ни я почти месяц не выходили из дому, не принимали гостей и не вчитывались в передовицы ежедневных газет. Об убийстве впервые мы услышали от Г., который заглянул к нам днем тринадцатого июля 18... и пробыл у нас до поздней ночи. Он был очень уязвлен тем, что все его попытки разыскать убийц ни к чему не привели. На карту поставлена его репутация, по-парижски запальчиво восклицал он. Затронута даже его честь. На него смотрит весь город, и он готов пойти на любые жертвы, чтобы сдвинуть с мертвой точки это дело. Свою несколько комическую речь он завершил комплиментом в адрес того, что назвал «тактом» Дюпена, после чего сделал ему прямое и, несомненно, очень щедрое

²⁷ В Гудзоне. (Примеч. авт.)

²⁸ Уихоукен. (Примеч. авт.)

²⁹ Беспорядки (фр.).

предложение, характер которого я раскрывать не вправе и которое не имеет непосредственного отношения к предмету данного повествования.

Комплимент мой друг вежливо отклонил, но предложение принял без колебаний, хотя те выгоды, которые оно сулило, были лишь условными. Когда этот вопрос был улажен, префект сразу же пустился в объяснения своего видения этого дела, перемежая их длинными рассказами об имеющихся уликах, о которых мы пока что ничего не знали. Сонная ночь кое-как доплелась до утра, а он все ораторствовал, хотя, вне всякого сомнения, по делу; я время от времени отваживался на кое-какие замечания или предложения, Дюпен же все это время просидел неподвижно в своем любимом кресле – воплощение почтительного внимания. Когда префект приступил к рассказу, он нацепил очки, и, случайно заглянув за их зеленые стекла, я убедился, что семь или восемь часов, непосредственно предшествовавших уходу нашего гостя, он преспокойно спал.

Утром я сходил в префектуру и раздобыл полный свод имеющихся показаний, кроме того, прошелся по редакциям нескольких газет и взял копии всех выпусков, с первого до последнего дня, в которых сообщались хоть какие-то существенные сведения, относящиеся к этому печальному происшествию. Если отбросить все, что не нашло подтверждения, информация эта сводилась к следующему.

Мари Роже покинула дом матери на улице Паве-Сент-Андре около девяти утра в воскресенье двадцать второго июня 18... года. Выходя, она сообщила некоему месье Жаку Сент-Эташу³⁰ (больше ни с кем она не разговаривала), что собирается провести день с тетей, жившей на улице де Дром. Де Дром – это короткая узкая улочка, расположенная неподалеку от набережной, и от пансиона мадам Роже самый близкий путь до нее составляет примерно две мили. Сент-Эташ считался официальным женихом Мари, проживал и столовался в пансионе ее матери. На закате он должен был сходить за невестой, чтобы проводить ее домой. Однако днем пошел сильный дождь, поэтому, подумав, что она останется у тети на ночь (как в подобных обстоятельствах она поступала раньше), он позволил себе нарушить свое обещание. Ближе к ночи слышали, как мадам Роже (немогущая старуха семидесяти лет) высказала опасение, что «никогда больше не увидит Мари», но ее словам тогда не придали значения.

В понедельник точно установили, что девушка на улице де Дром так и не появлялась, и после того как в течение дня не поступило никаких известий, в некоторых местах города и окрестностей наконец начались поиски. Однако лишь на четвертый день после исчезновения девушки о ней стало известно что-то определенное. В этот день (среда, двадцать пятое июня) некий месье Бове³¹, который с другом разыскивал Мари недалеко от заставы дю Руль на противоположном улице Паве-Сент-Андре берегу Сены, узнал, что рыбаки только что привезли на берег выловленный в реке труп. Увидев тело, Бове после некоторых колебаний опознал девушку из парфюмерного магазина. Его товарищ опознал ее почти сразу.

Лицо ее было темно-красным от прилившей крови, некоторое количество крови вытекло из горла. Пена, которая обычно выступает, если человек тонет, отсутствовала. Изменений в цвете клеточной ткани не было. На шее были заметны кровоподтеки и следы пальцев. Согнутые в локтях и прижатые к груди руки окоченели. Правая ладонь была сжата в кулак, левая – немного приоткрыта. На левом запястье виднелись две круговые ссадины, очевидно, след от веревок или одной веревки, обмотанной вокруг руки два раза. Часть правого запястья тоже была сильно расцарапана, так же как спина, по всей длине, но заметнее всего у лопаток. Чтобы вытащить тело на берег, рыбаки обвязали его веревкой, но от нее следов не осталось. Горло жертвы было сильно раздуто. Видимые колото-резанные раны или кровоподтеки, которые могли бы остаться от ударов, на теле отсутствовали. Кусок тонкого

³⁰ Пейну. (Примеч. авт.)

³¹ Кроммелин. (Примеч. авт.)

шнурка был завязан вокруг шеи так сильно, что полностью скрылся в складках плоти. Узел находился прямо под левым ухом. Одного этого хватило бы, чтобы вызвать летальный исход. Медицинское освидетельствование полностью подтвердило целомудрие девушки. В отчете говорилось, что она стала жертвой грубого насилия. Когда труп обнаружили, состояние, в котором он находился, позволило друзьям убитой опознать ее без труда.

Вся одежда была сильно изодрана и растрепана. Из подола платья от нижнего края до пояса была выдрана полоса примерно в фут шириной; но не оторвана, а трижды обернута одним концом вокруг талии и закреплена на спине довольно необычным узлом. Под платьем была тонкая муслиновая юбка. Из нее очень ровно и аккуратно была вырвана лента шириной восемнадцать дюймов. Эта полоса муслина была свободно наброшена на шею и накрепко связана концами.

Поверх этой полосы и обрывка шнурка были завязаны ленты шляпки, однако не бантом, как это обычно делают женщины, а скользящим морским узлом.

После опознания тело не отправили, как обычно, в морг (эту формальность сочли излишней), а поспешно предали земле недалеко от того места, где его извлекли из воды. Благодаря стараниям Бове дело замяли, и прошло несколько дней, прежде чем последовала какая-то реакция общественности. Все же одна еженедельная газета³² в конце концов сообщила об этом, после чего труп эксгумировали, подвергли повторному обследованию, которое лишь подтвердило уже известные факты и не дало ничего нового. Одежду покойной передали ее матери и знакомым, которые подтвердили, что это платье Мари Роже и именно в нем в тот день она вышла из дома.

Тем временем волнение в городе росло не по дням, а по часам. Были арестованы, но впоследствии отпущены несколько человек. Главное подозрение пало на Сент-Эсташа. Сначала он не смог четко рассказать, где находился в воскресенье, когда Мари покинула дом, но впоследствии предоставил месье Г. письменные показания, в которых описал, как провел тот день, час за часом. Его рассказ подтвердился. Время шло, но дело не двигалось с места, по городу поползли самые разнообразные и часто противоречивые слухи. Журналисты не знали покоя, выдвигая все новые и новые версии. Из них больше всего шума надедало предположение о том, что Мари Роже была жива и труп, найденный в Сене, принадлежал какой-то другой несчастной. Думаю, будет не лишним привести несколько отрывков, в которых высказывается упомянутое предположение. Эти строки – точный перевод из «Этуаль»³³, газеты достаточно солидной.

«Мадемуазель Роже покинула материнский дом в воскресенье утром, двадцать второго июня 18... года, сказав, что хочет повидать тетюшку или кого-то из родственников на улице де Дром. С того времени, насколько известно, ее никто не видел. Она словно сквозь землю провалилась... Пока еще не удалось разыскать ни одного человека, который бы видел ее в тот день после того, как она вышла из дома... Хотя мы и не знаем наверняка, была ли Мари Роже все еще на этом свете после девяти часов в воскресенье двадцать второго июня, точно известно, что до этого времени она была жива. В среду в полдень рядом с заставой дю Руль было обнаружено плавающее в воде женское тело. Даже если предположить, что Мари Роже бросили в реку в течение первых трех часов после того, как она вышла из дома матери, это составляет всего лишь трое суток, трое суток с точностью до часа! Однако было бы глупо предполагать, что убийство – если ее действительно убили – совершено настолько быстро, что убийцы успели бросить тело в реку до полуночи. Люди, совершающие подобные злодеяния, предпочитают ночную тьму дневному свету... Таким образом, становится понятно, что, если тело, обнаруженное в реке, действительно принадлежит Мари Роже, оно

³² Нью-Йоркская «Меркюри». (Примеч. авт.)

³³ Нью-Йоркская «Бразер Джонатан», редактор – Х. Хастингс Уэлд, эсквайр. (Примеч. авт.)

могло пробыть в воде не более двух с половиной суток, самое большее – трех. Известно, что утоп леннику либо труп, брошенному в воду сразу после убийства, требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не подобрать, он снова погружается под воду. А теперь мы хотим спросить, что есть в этом случае такого особенного, из-за чего были нарушены обычные законы природы? ... Если тело в подобном изувеченном виде до ночи со вторника на среду пролежало на берегу, там должны были остаться какие-то следы убийц. К тому же весьма сомнительно, чтобы труп всплыл так быстро, даже если его бросили в воду спустя два дня после смерти. И более того, очень маловероятно, чтобы те нелюди, которые совершили это убийство, бросили тело своей жертвы в воду, не привязав к нему какой-либо груз, если принять эту меру предосторожности не составляло никакого труда».

После этого автор доказывает, что тело пробыло в воде «не три дня, а по меньшей мере в пять раз дольше», поскольку оно успело до такой степени разложиться, что Бове опознал его с большим трудом. Впрочем, этот довод был полностью опровергнут. Продолжаю перевод:

«Исходя из каких фактов месье Бове говорит, что тело, которое он осматривал, вне всякого сомнения принадлежало Мари Роже? Он разорвал рукав платья и теперь заявляет, что увидел какие-то особые приметы, которые показались ему достаточно убедительными. Публике, разумеется, представляется, что он имел в виду какие-нибудь шрамы или что-то в этом роде, но на самом деле он просто потерял руку и увидел на ней волоски. Нам трудно представить примету более неопределенную. С таким же успехом можно делать выводы на том основании, что в рукаве вообще обнаружилась рука. В среду вечером месье Бове в пансион мадам Роже не вернулся, но в семь часов вечера от его имени ей передали, что работа по опознанию тела ее дочери продолжается. Даже если мы предположим, что мадам Роже из-за преклонного возраста и горя не смогла бы отправиться на то место (впрочем, предположение это не кажется таким уж убедительным), должен был найтись хоть кто-нибудь, кто решил бы, что все же стоит туда отправиться и присутствовать при опознании, если они думали, что найденное тело действительно может принадлежать Мари. Но никто туда не поспешил. Даже сами обитатели пансиона на улице Паве-Сент-Андре не слышали, чтобы мадам Роже хотя бы словом обмолвилась об этом новом повороте событий. Месье Сент-Эташ, поклонник и будущий муж Мари, снимавший квартиру в доме ее матери, показывает, что услышал о том, что тело его невесты обнаружилось только утром следующего дня, когда к нему зашел месье Бове и рассказал об этом. Нам кажется невероятным, что подобная новость была встречена так спокойно».

Таким образом, газета пыталась создать впечатление проявленного родственниками Мари безразличия, которое не сочетается с предположением о том, что они поверили, будто это был действительно ее труп. Дальнейшие инсинуации сводились к следующему: Мари, заручившись поддержкой друзей, уехала из города по причинам, включающим, кроме всего прочего, и сомнения в ее целомудрии; друзья эти, когда в Сене обнаружился труп, имеющий некоторое с ней сходство, попытались убедить прессу и публику, что она умерла. Но и тут «Этуаль» поспешила с выводами. Было совершенно точно доказано, что того безразличия, о котором говорилось в статье, не существовало; что старуха была так слаба и взволнованна, что просто не могла выйти из дома; что Сент-Эташ не то что воспринял новости спокойно, а просто был сражен горем до такой степени, что месье Бове пришлось попросить друзей и родственников присмотреть за ним и не дать ему присутствовать на повторном опознании тела при эксгумации. Более того, «Этуаль» утверждала, что тело повторно захоронено за общественный счет, что семья отказалась даже от предложения украсить могилу скульпту-

рой и что никто из родственников не присутствовал на похоронах. Повторю снова: все это не более чем домыслы газеты, которые понадобились, чтобы усилить то впечатление, которое она хотела произвести, тогда как в действительности все они были опровергнуты. В следующем номере газеты была сделана попытка бросить тень сомнения на самого Бове. Автор пишет:

«В деле наметились изменения. Как нам стало известно, пока мадам Б. находилась в доме мадам Роже, месье Бове, который собирался уходить, сказал ей, что к ним должен был зайти жандарм, и предупредил ее, чтобы она, мадам Б., ничего не рассказывала этому жандарму до его возвращения, поскольку он сам собирался с ним говорить... При данном состоянии дел создается впечатление, что месье Бове контролирует ход всего дела. Нельзя сделать и шагу, чтобы не наткнуться на месье Бове, в какую бы сторону вы ни направили поиски, вы неизменно выходите на него. ...По какой-то причине он не хочет, чтобы кто-то кроме него принимал участие в расследовании, и оттеснил на второй план всех родственников мужского пола, судя по их словам, самым грубым образом. Похоже, он изо всех сил добивается, чтобы никто из родных убитой не увидел тела».

Для подтверждения того, что подозрения относительно Бове обоснованны, был приведен следующий факт: за несколько дней до исчезновения девушки в контору Бове зашел посетитель, который хозяина на месте не застал, зато увидел торчащую в замочной скважине двери розу и заметил имя «Мари», написанное на висящей рядом грифельной доске.

Если обобщить все те разрозненные факты, которые можно почерпнуть из остальных газет, складывается впечатление, что Мари стала жертвой банды головорезов, которые переправили ее на другой берег реки, где надругались над ней и убили. Однако «Коммерсьель»³⁴, очень влиятельное издание, упорно оспаривала это распространенное мнение. Вот выдержка из этой газеты:

«Мы убеждены, что до настоящего времени поиски, которые вывели следствие на заставу дю Руль, идут по ложному следу. Невозможно, чтобы кто-либо настолько известный, как эта молодая женщина, прошел три квартала, совершенно никем не замеченный. Любой, кто увидел бы ее, наверняка запомнил бы это, поскольку у всех, кто ее знал, она вызывала интерес. Из дома она вышла, когда на улице уже было полно людей... Если бы она дошла до заставы дю Руль или до улицы де Дром, ее непременно увидели и узнали бы десятки людей. Однако пока еще не найден ни один человек, который в тот день видел ее вне стен материнского дома, и ничто, кроме той части показаний, где говорится о высказанных ею намерениях, не указывает на то, что она вообще выходила из дома. Из подола ее платья вырвали кусок, который обмотали вокруг талии и завязали. Это могло послужить своего рода ручкой, за которую тело несли наподобие узла. Если убийство совершено на заставе дю Руль, подобные ухищрения не понадобились бы. То, что тело найдено плавающим в воде рядом с этим местом, не доказывает, что оно брошено в реку именно там. ...Лоскут (два фута в длину, один фут в ширину), вырванный из юбки несчастной девушки, был завязан вокруг ее шеи и закреплен узлом под затылком, вероятно, чтобы заглушить крики. Это было сделано людьми, у которых не водятся носовых платков».

Однако за день или два до того, как префект обратился к нам, у полиции появилась важная информация, которая опровергала по крайней мере большую часть аргументов «Коммерсьель». Два мальчика, сыновья мадам Делюк, гуляя в роще рядом с заставой дю Руль, случайно набрали на густые заросли, где увидели три-четыре больших камня, лежащих друг на друге в некоем подобии сиденья со спинкой и подставкой для ног. На верхнем камне лежала белая женская юбка, на втором – шелковый шарфик. Там же были обнаружены зонтик, перчатки и носовой платок. На платке вышито имя «Мари Роже». В окружающих еже-

³⁴ Нью-Йоркский «Джорнел ов коммерс». (Примеч. авт.)

вичных кустах обнаружены лоскуты, вырванные из платья. Земля вокруг этого места была утоптана, ветки кустов изломаны. Судя по всему, там происходила борьба. В оградах между этими зарослями и рекой были обнаружены проломы, на земле имелся четкий след, указывающий на то, что к реке волокли что-то тяжелое.

Еженедельная газета «Солей»³⁵ следующим образом истолковала это открытие (толкование это лишь повторяло общее настроение парижской прессы):

«Все эти вещи пролежали там самое меньшее три-четыре недели; они прибиты дождем, покрылись плесенью и слиплись. Вокруг некоторых из них уже успела вырасти трава. Шелк на зонтике не потерял прочности, но ткань села. Верхняя его часть, там, где он собирается и складывается, заплесневела и прогнила; когда зонтик попытались открыть, шелк порвался... Ровные лоскуты, вырванные из платья ветками кустов, имели примерно три дюйма в ширину и шесть дюймов в длину. Один из них (со следами штопки) был оторван от нижнего края платья, второй – вырван из его середины. Ленты эти висели на колючих кустах примерно в футе над землей. ...Таким образом, не остается сомнения, что место, где было совершено это ужасающее преступление, обнаружено».

Эта находка позволила получить новые сведения. Мадам Делюк показала, что содержит придорожный трактир недалеко от берега реки, прямо напротив заставы дю Руль. Это уединенное, можно сказать, глухое место, облюбовало городское отребье. По воскресеньям эти люди приплывают туда из города на лодках. В то воскресенье примерно в три часа пополудни в трактир вошла девушка в сопровождении смуглого молодого мужчины. Проведя там какое-то время, пара ушла и направилась в сторону рощи неподалеку. Внимание мадам Делюк привлекло платье девушки – оно показалось ей похожим на то, которое носила одна ее уже покойная родственница. Особенно ей запомнился шарфик. Вскоре после ухода пары в трактире появилась группа мерзавцев, которые вели себя совершенно разнузданно и не заплатили ни за еду, ни за выпивку. Они удалились в том же направлении, что и молодой человек с девушкой, в трактир вернулись на закате и как будто в большой спешке уплыли обратно на противоположный берег.

В тот же вечер, вскоре после того как стемнело, мадам Делюк и ее старший сын неподалеку от трактира слышали женские крики. Крики были отчаянными, но продолжались недолго. Мадам Д. опознала не только шарфик, найденный в зарослях, но и платье, которое было на трупе. Кроме того, кучер омнибуса по фамилии Валанс³⁶ также показал, что видел, как в то воскресенье Мари Роже пересекала реку на пароме в компании смуглого молодого мужчины. Он, Валанс, знал Мари и не мог ошибиться. Предметы, найденные в зарослях, родные Мари признали безоговорочно.

Сведения, собранные мною из газет по просьбе Дюпена, включали еще лишь один факт, но этот факт представлялся чрезвычайно важным. Судя по всему, сразу же после описанной выше находки неподалеку от того места, которое все теперь считали местом убийства, было найдено безжизненное или почти безжизненное тело Сент-Эсташа, жениха Мари. Рядом с ним на земле лежал пустой пузырек с надписью «Настойка опия». В его дыхании чувствовался запах яда. Умер он, не произнеся ни слова. В кармане молодого человека была найдена короткая записка, в которой он сообщал о своей любви к Мари и намерении покончить с собой.

– Думаю, вам и так понятно, – сказал Дюпен, внимательно изучив мои записи, – что это дело гораздо сложнее происшествия на улице Морг, от которого оно имеет одно важное отличие: это обычное, хоть и очень жестокое преступление. В нем нет ничего outré. Заметьте, именно поэтому данную загадку посчитали простой, тогда как на самом деле это та причина,

³⁵ Филадельфийская «Сэтерди ивнинг пост», редактор – Ч. Д. Петерсон, эсквайр. (Примеч. авт.)

³⁶ Эдам. (Примеч. авт.)

по которой ее нужно было отнести в разряд сложных. Поэтому и вознаграждение не было назначено с самого начала. Мирмидонцы нашего Г. сразу же сообразили, как и по какой причине могло быть совершено это злодеяние. Они даже нарисовали в своем воображении способ, множество способов, и мотив, множество мотивов, преступления, и, поскольку им казалось невозможным, чтобы хоть какие-то из этих многочисленных способов и мотивов не совпали с истинными, они посчитали само собой разумеющимся, что так и случится. Но сам характер этого дела, вокруг которого выросли все эти догадки, и тот факт, что все они казались в одинаковой степени правдоподобными, следовало воспринимать как дополнительную трудность, а не как обстоятельство, способное помочь расследованию. Я уже как-то говорил, что лишь по неровностям на плоскости обычного разум находит дорогу в поисках истины, если вообще это происходит, и что в подобных случаях нужно задаваться вопросом не «Что случилось?», а «Что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». Расследуя убийства в квартире мадам Л'Эспанэ³⁷, агенты господина Г. были сбиты с толку и поставлены в тупик той необычностью дела, которая для правильно настроенного интеллекта являлась явным предвестником успеха. В то же время интеллект этот мог бы спасовать перед простотой дела об убийстве девушки из парфюмерного магазина, которая в действительности не дала ничего, кроме повода чиновникам из префектуры заранее торжествовать в предвкушении легкой победы.

В случае с мадам Л'Эспанэ и ее дочери с самого начала было понятно, что мы имеем дело с убийством. Версия о самоубийстве исключалась сразу же. Здесь мы тоже знаем наверняка, что жертва не наложила на себя руки. Тело, найденное у заставы дю Руль, обнаружено при таких обстоятельствах, которые не оставляют сомнения в этом важном вопросе. Однако было высказано предположение, что найденный труп не является телом той Мари Роже, за поимку убийцы или убийц которой обещано вознаграждение и относительно которой был заключен наш договор с префектом. Мы с вами оба хорошо знаем этого господина, поэтому не будем ему слишком доверять. Если, начав расследование с найденного тела и выйдя на убийцу, мы установим, что это труп какой-то другой девушки; или же если мы начнем расследование с предположения, что Мари Роже жива, и найдем ее (или даже просто выясним, что она не была убита), в любом из этих случаев наши труды пропадут даром – мы же имеем дело не с кем-то, а с месье Г.! Поэтому если не в интересах правосудия, то в наших собственных интересах необходимо для начала удостовериться, что найденный труп – это та самая пропавшая Мари Роже.

Публике доводы «Этуаль» показались вескими, а то, что в самой газете убеждены в их важности, доказывает начало одной из их статей, посвященных данной теме. «Несколько утренних газет, – говорится там, – сочли статью в понедельникном номере „Этуаль“ „исчерпывающей“». Как по мне, так эта статья исчерпывающе доказывает лишь рвение ее автора. Не стоит забывать, что чаще всего наши газеты стремятся породить сенсацию, а не помочь отыскать истину. Последнее их интересует только в том случае, если совпадает с первым. Издание, мнение которого совпадает с общепринятым (каким бы обоснованным оно ни было), не интересно толпе. В большинстве своем люди считают мудрецом лишь того, чьи мысли вступают в «острое противоречие» с расхожей идеей. В искусстве мыслить, не меньше чем в литературе, быстрее и охотнее всего воспринимается парадокс. И в обоих случаях это самое сомнительное из достоинств.

Я веду к тому, что лишь сенсационность и мелодраматизм версии, что Мари Роже все еще жива, подсказали «Этуаль» эту идею и заставили широкую публику увлечься ею. Давайте рассмотрим основные пункты доказательств, которые приводит эта газета, и попытаемся избежать той непоследовательности, с которой они изложены.

³⁷ См. «Убийства на улице Морг». (Примеч. авт.)

Основная цель автора статьи – показать, что плававший в реке труп не мог быть трупом Мари, поскольку между ее исчезновением и его обнаружением прошло слишком мало времени. Другими словами, автору было на руку свести этот временной промежуток к минимуму. Для этого он не долго думая ставит в основу вывода не факт, а предположение. «Было бы глупо предполагать, – пишет он, – что убийство – если ее действительно убили – совершено настолько быстро, чтобы убийцы успели бросить тело в реку до полуночи». Тут же напрашивается вопрос: почему? Почему глупо предполагать, что убийство было совершено через каких-нибудь пять минут после того, как девушка вышла из дома матери? Почему глупо предполагать, что убийство могло быть совершено в любое время дня? Убийства происходят круглые сутки. Если убийство произошло в воскресенье после девяти утра и до без четверти двенадцать ночи, убийцы могли «успеть бросить тело в реку до полуночи». Следовательно, это предположение понадобилось для того, чтобы убедить читателей, что убийство было вовсе совершено не в воскресенье, и, если мы позволим «Этуаль» делать выводы на основании подобных «допущений», мы можем позволить ей любые вольности. То предположение, которое начинается со слов «Было бы глупо предполагать, что убийство...» и так далее, хоть и напечатано в «Этуаль», на самом деле существует только в голове его автора. «Было бы глупо предполагать, что убийство – если Мари действительно убили – совершено настолько быстро, чтобы убийцы успели бросить тело в реку до полуночи; и было бы так же глупо предполагать все это, как и предполагать (раз уж мы решили предполагать), что тело *не* было брошено в реку до полуночи», – предложение само по себе достаточно непоследовательное, но, по крайней мере, не такое абсурдное, как напечатанное в газете.

– Если бы я хотел, – продолжил Дюпен, – просто опровергнуть этот высказанный на страницах «Этуаль» довод, я мог бы этим и ограничиться. Но нас интересует не «Этуаль», а истина. Приведенное предложение имеет лишь один смысл, и я его сформулировал, но для нас важно добраться до идеи, которая стоит за этими словами, до идеи, которую эти слова призваны были выразить, но так и не смогли. Журналист хотел сказать, что в какое бы время дня или ночи воскресенья ни было совершено убийство, маловероятно, чтобы убийцы рискнули нести труп к реке до полуночи. И в этом заключается то допущение, против которого я протестую. Предполагается, что убийство совершалось таким образом и при таких обстоятельствах, что тело нужно было доставлять к реке. Но ведь все могло случиться на берегу реки или даже на воде, и в таком случае выбрасывание тела в реку в любое время дня и ночи является самым очевидным и простым способом избавиться от трупа. Не подумайте, что я утверждаю, будто это вероятно или совпадает с моим собственным мнением. Мои слова не касаются фактов данного дела. Я всего лишь хочу предостеречь вас против общего тона предположения, высказанного в «Этуаль», подчеркнув его *ex parte*³⁸ характер.

И вот, поставив рамки, удобные для продвижения своей мысли, предположив, что, если это было тело Мари, оно могло пробыть в воде только очень короткое время, «Этуаль» продолжает:

«Известно, что утопленнику либо трупу, брошенному в воду сразу после убийства, требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не забрать, он снова погружается под воду».

С этим утверждением молчаливо согласились все парижские газеты, кроме «Монитор»³⁹ Это издание вступает в спор лишь с той частью, где говорится об «утопленнике», вспомнив пять-шесть примеров, когда тела действительно утонувших всплывали раньше

³⁸ Однобокий, с преимуществом для одной стороны (*лат.*).

³⁹ Нью-Йоркская «Коммершиел эдвертайзер», редактор – полковник Стоун. (*Примеч. авт.*)

того срока, на котором настаивает «Этуаль». Однако со стороны «Монитор» крайне неразумно противопоставлять общему утверждению «Этуаль» несколько частных случаев. Если бы можно было привести в пример не пять, а пятьдесят случаев, когда тело поднималось со дна после двух-трех дней, и то к этим примерам нужно было бы относиться как к исключению из общего правила, принятого «Этуаль», и так до тех пор, пока не будет опровергнуто само правило. Если признать правило (а «Монитор» его не отвергает, настаивая только на исключениях), довод «Этуаль» обречен оставаться в полной силе, поскольку он заведомо ограничивается рамками вопроса о возможности всплытия тела на поверхность раньше трех дней, и вероятность этого будет в пользу позиции «Этуаль» до тех пор, пока число примеров, приведенных с такой детской непосредственностью «Монитор», не возрастет настолько, чтобы сформировать противоположное правило.

Я думаю, вам понятно, что все споры на эту тему, если их вообще затевать, должны быть направлены против самого правила, и для этого нам потребуется вникнуть в его суть. Итак, нельзя сказать, что человеческое тело значительно тяжелее или значительно легче воды в Сене. Другими словами, удельный вес тела в его естественном состоянии примерно равен удельному весу того объема пресной воды, который оно вытесняет. Тела женщин и жирных, дородных людей с тонкими костями в среднем имеют меньший удельный вес, чем тела мужчин и людей худых и ширококостных. К тому же на удельный вес воды оказывают определенное влияние морские приливы. Однако, оставив в стороне вопрос с приливами, можно сказать, что человеческие тела, оказавшись даже в пресной воде, почти никогда не тонут сами по себе. Практически любой упавший в реку сможет остаться на поверхности, если позволит удельному весу воды прийти в соответствие с его собственным, то есть если позволит своему телу как можно полнее погрузиться под воду. Для не умеющего плавать самая правильная позиция – вертикальная, как при ходьбе с максимально запрокинутой головой, когда над поверхностью остаются только рот и ноздри. При таких условиях человек обнаруживает, что может свободно держаться на плаву, не тратя на это силы. Тем не менее очевидно, что удельный вес тела и удельный вес вытесненного объема воды находятся в очень четком равновесии, и любая мелочь может это равновесие нарушить. Например, рука, поднятая из воды и таким образом лишенная поддержки, превращается в дополнительный вес, который погрузит под воду всю голову, в то время как любой случайно оказавшийся поблизости обломок деревяшки, наоборот, позволит поднять голову выше и осмотреться. Человек, не привыкший к плаванию, барахтаясь в воде, неизменно выбрасывает руки вверх, при этом стараясь сохранить голову в привычном вертикальном положении. В итоге рот и ноздри оказываются под водой, когда человек пытается дышать, в его легкие попадает вода и он начинает захлебываться. Большое количество воды попадает также в живот, отчего все тело становится тяжелее из-за разницы в весе воздуха, которым раньше были наполнены эти полости, и жидкости, которая начинает занимать его место. Как правило, разницы этой достаточно, чтобы полностью погрузить тело под воду, но только не в том случае, когда люди тонкокостны или имеют избыточный объем мягких тканей либо жира. Такие остаются на плаву даже после того, как захлебываются.

Труп, который находится на дне реки, будет оставаться там до тех пор, пока каким-то образом его удельный вес снова не станет меньше удельного веса вытесняемого им объема воды. Это может происходить из-за разложения или по какой-то иной причине. Разложение приводит к тому, что в теле начинает вырабатываться газ, который расширяет рыхлую соединительную ткань и все полости, из-за чего тело и принимает такой ужасный раздутый вид. Когда это расширение доходит до такой степени, что труп начинает физически увеличиваться в размерах, не увеличивая при этом свою массу или вес, тело становится легче воды и незамедлительно всплывает на поверхность. Однако на разложение оказывает влияние огромное количество обстоятельств, есть масса причин, которые могут либо

ускорить его, либо замедлить. Например, время года, чистота воды или насыщенность ее минералами, глубина, скорость течения, температура тела, последствия болезней, которыми страдал человек при жизни, и так далее. Таким образом, становится понятно, что мы не можем с какой-либо определенностью установить то время, через которое тело поднимется на поверхность в результате разложения. При одних условиях оно всплывет через час, при иных этого вовсе не произойдет. Есть химические вещества, присутствие которых в клетках организма навсегда защищает его от разложения, скажем дихлорид ртути. Однако помимо разложения газ может выделяться – и чаще всего выделяется – в результате уксусного брожения находящихся в желудке веществ растительного происхождения, да и в других полостях могут скапливаться газы в достаточном количестве, чтобы раздуть тело настолько, что оно поднимется на поверхность. Стрельба из пушки над водой вызывает всего лишь вибрацию, которая может освободить тело из мягкого ила или жидкой грязи, удерживающих его на дне, и заставить всплыть, если другие процессы уже подготовили его к этому. Или же она может преодолеть сопротивление некоторых сгнивших масс клеточных тканей, что приведет к выбросу газа во внутренние полости и их расширению.

Итак, поняв суть данного процесса, мы теперь можем судить о правильности утверждений «Этуаль».

«Известно, что утопленнику либо труп, брошенному в воду сразу после убийства, – говорится в газете, – требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. Даже когда над телом, пролежавшим на дне меньше пяти-шести дней, стреляют из пушки и труп всплывает на поверхность, в скором времени, если его не забрать, он снова погружается под воду».

Теперь все это кажется набором непоследовательных и бессвязных слов. Нам вовсе не известно, что «утопленнику» требуется провести под водой от шести до десяти дней, чтобы разложиться до той степени, которая позволит ему всплыть на поверхность. И наука, и человеческий опыт говорят о том, что время, необходимое для всплытия тела, определить невозможно. Если сверх того тело всплыло после пушечной стрельбы, оно не погрузится снова под воду до тех пор, пока не разложится настолько, что газы выйдут из него. Но я хочу привлечь ваше внимание к указанной разнице между «утопленником» и «трупом, брошенным в воду сразу после убийства». Автор хоть и понимает различие, тем не менее включает их в одну категорию. Я уже рассказал о том, каким образом тело тонущего становится тяжелее соответствующего объема воды, и что оно вовсе не утонет, если исключить барахтанье, при котором над водой поднимаются руки, и попытки вдохнуть под водой, из-за чего место воздуха в легких занимает вода. В случае «трупа, брошенного в воду сразу после убийства» о барахтанье и дыхании речь, конечно же, не идет, то есть такое тело, как правило, всегда остается на плаву. Похоже, что с этим фактом «Этуаль» не знакома. Когда разложение достигает значительной степени (когда большие части плоти отстают от костей), тогда тело действительно скрывается под водой, но не раньше.

Что же нам делать с утверждением, что найденное тело не может быть телом Мари Роже потому, что со дня ее исчезновения прошло всего трое суток, а его нашли плавающим? Если бы женщина захлебнулась насмерть, ее тело могло остаться на плаву, а если бы и пошло ко дну, то могло всплыть через двадцать четыре часа, а то и меньше. Но никто не считает, что она утонула, и, поскольку умерла она до того, как попала в реку, ее плавающий в воде труп могли найти в любое время после того, как его туда бросили.

«Но, – заявляет „Этуаль“, – если тело в подобном изувеченном виде до ночи со вторника на среду пролежало на берегу, там должны были остаться какие-то следы убийц». Тут даже трудно сходу определить, что автор хотел этим сказать. Похоже, он намеревается пред-

восхитить возражение, которое может вызвать его версия, viz⁴⁰: то, что тело два дня пролежало на берегу, претерпевая быстрое разложение... Более быстрое, чем если бы оно находилось в воде. Он предполагает, что, если бы это действительно было так, тело могло всплыть в среду, и думает, что только при таких обстоятельствах это могло произойти. Соответственно, он поспешил доказать, что тело не лежало на берегу: видите ли, в таком случае «там должны были остаться какие-то следы убийц». Я думаю, ваша улыбка вызвана этим *sequitur*⁴¹. Вы не можете понять, каким образом продолжительность нахождения трупа на берегу может приумножить следы убийц. Я – тоже.

«И более того, – продолжает наша газета, – очень маловероятно, чтобы те нелюди, которые совершили это убийство, бросили тело своей жертвы в воду, не привязав к нему какой-либо груз, если принять эту меру предосторожности не составляло никакого труда». Обратите внимание на смехотворную путаницу в мыслях. Никто, даже сама «Этуаль» не сомневается, что найденное тело принадлежит жертве убийства, ибо следы насилия слишком очевидны. Наш мыслитель преследует лишь одну цель: убедить читателей, что найденное тело – это не Мари. Он хочет доказать, что Мари не убита, а не то, что найденный труп не является жертвой убийства. Тем не менее его замечание доказывает исключительно последний пункт. Мы имеем труп, к которому не прикреплен груз. Убийцы, бросая его в воду, сделали бы это непременно. Отсюда вывод: он не был брошен в воду убийцами. Если это предположение и доказывает что-нибудь, то только это. Вопрос об установлении личности даже не ставится, и «Этуаль» теперь старается изо всех сил опровергнуть свои же собственные выводы, сделанные секунду назад. «Мы совершенно уверены, – говорится здесь, – что найденная женщина была убита».

И это не единственный пример того, как автор невольно вступает в противоречие со своими же собственными словами, даже в этой части рассуждений. Его очевидная цель, как я уже сказал, – как можно более уменьшить временной промежуток между исчезновением Мари и обнаружением трупа. И в то же время он уделяет особое внимание тому, что никто не видел девушку после того, как она покинула дом матери. «Мы и не знаем наверняка, была ли Мари Роже все еще на этом свете после девяти часов в воскресенье двадцать второго июня». Раз уж его доводы настолько хрупкие, ему бы следовало по крайней мере вообще не касаться этого обстоятельства, поскольку, если бы сыскался кто-нибудь, кто видел Мари, скажем, в понедельник или во вторник, промежуток этот сократился бы значительно, и это, согласно его же логике, заметно уменьшило бы вероятность того, что обнаруженный труп действительно является телом гризетки из парфюмерного магазина. Все же довольно забавно наблюдать за тем, как «Этуаль» настаивает на этой подробности, искренне полагая, что может этим подкрепить общий ход своих рассуждений.

Давайте теперь внимательно рассмотрим ту часть статьи, в которой говорится, как Бове проводил опознание тела. Что касается волосков на руке, тут «Этуаль» явно хитрит. Месье Бове не идиот, он не стал бы считать наличие волосков на руке приметой, по которой можно опознать труп. Не бывает рук, полностью лишенных волос. Неопределенность выражения, использованного «Этуаль», является всего лишь искажением слов, произнесенных свидетелем. Должно быть, он говорил о каком-то особенном свойстве этих волосков: о необычном цвете, о густоте, длине, об их расположении или о чем-то другом в этом роде.

«У нее, – пишет газета, – маленькие ступни. Но есть тысячи ступней такого же размера. Подвязка ее и вовсе не может служить доказательством, как и туфли. То же самое можно сказать и о цветах на шляпке. Месье Бове особенно выделяет, что застежка у нее на подвязке была подогнана под ее размер. Но это тоже ничего не значит, потому что большин-

⁴⁰ А именно (лат.).

⁴¹ Следственная связь (лат.).

ство женщин предпочитают не примерять подвязки в магазине, а подшивать под свой размер дома». Трудно предположить, что в данном случае автор статьи пишет искренне. Если бы месье Бове, разыскивая тело Мари, обнаружил труп девушки, похожей на нее размером и внешним видом, он уже имел бы право посчитать (не касаясь вопроса ее одежды), что его поиски увенчались успехом. Если, вдобавок к общему размеру и виду, он еще и увидел на ее руке какие-то особенные волоски, такие же, какие видел на живой Мари, его уверенность только возросла бы, и степень уверенности вполне могла находиться в зависимости от того, насколько характерны или необычны были эти волоски. Если ступни у Мари были маленькие и ступни трупа оказались такими же маленькими, степень вероятности того, что найденное тело и есть Мари, возросла бы не в арифметической, а в геометрической прогрессии или кумулятивно. Добавьте к этому туфли, такие же, как те, что были на ней в день исчезновения. Хоть туфли эти и «поступают в продажу партиями», их наличие возводит вероятность в степень уверенности. То, что само по себе не является особой приметой, в совокупности с другими подробностями становится верным доказательством. А если вспомнить и цветы на шляпке, такие же, как носила пропавшая девушка, этим доказательство можно и ограничить. Если бы там был только один цветок, и этого было бы достаточно, но каждый последующий не прибавляет дополнительное очко уже существующей уверенности, а умножает ее в сотни, тысячи раз. Кроме того, на трупе обнаруживаются еще и подвязки, точно такие же, как носила Мари при жизни. Искать дополнительные доказательства просто глупо! Но подвязки эти ко всему еще и имеют застёжки, подогнанные по ноге таким же способом, как это сделала Мари незадолго до выхода из дома. Продолжать и после этого сомневаться – либо безумство, либо лицемерие. То, что «Этуаль» не придает значения подшитым застёжкам на подвязках, говорит только о том, что газета упорно не желает расставаться со своей ошибкой. Застёжки на подвязках крепятся на растягивающейся основе, это уже само по себе указывает на необычность того, что их пришлось укорачивать. То, что сделано так, чтобы садиться по размеру, редко когда требует дополнительной подгонки. Скорее всего, то, что Мари пришлось подгонять их, является случайностью в самом строгом смысле этого слова. Одних этих подвязок вполне хватило бы, чтобы установить ее личность. Но главное не то, что на трупе были такие же подвязки, как на исчезнувшей девушке, такие же туфли, шляпка, цветы на шляпке; не то, что у него были такие же ступни; не особая примета в виде характерных волосков на руке; не то, что общим внешним видом и размерами он напоминал исчезнувшую... Главное то, что труп имел *все* эти особенности. Если бы можно было доказать, что журналист из «Этуаль» в данных обстоятельствах искренне продолжает сомневаться, с ним бы все было ясно и без комиссии *de lunatic inquirendo*⁴². Он посчитал, что его сочинению придаст веса повторение манеры разговора встречающихся где-нибудь вне работы адвокатов, которые сами чаще всего повторяют формальный стиль речи, принятый для общения в залах суда. Надо заметить, что большая часть тех доказательств, которые отвергаются судами, человеку здравомыслящему, наоборот, представляется наиболее убедительными доказательствами. Ведь суд руководствуется принципами признания улики – общепринятыми и записанными в правилах – и неохотно отходит от них в конкретных случаях. Строгое соблюдение этих принципов при полном пренебрежении к исключениям по большому счету является верным способом достичь максимума истины. То есть в целом такой подход можно назвать философским, но это также означает, что на уровне частных он допускает огромное количество ошибок⁴³.

⁴² По обследованию умственных способностей (*лат.*).

⁴³ «Всякая теория, основанная на качествах явления, не позволит ему раскрыться в соответствии с его целями, и тот, кто будет распределять события относительно их причин, не сможет оценивать их в соответствии с тем, к каким результатам они привели. Таким образом, законоведение любой страны показывает, что закон, приобретая черты науки и системы, перестает быть справедливым. Об ошибках, к которым слепое следование принципам классификации приводит общее

Что касается оскорбительных намеков в адрес Бове, все их можно отместить разом. Вам, очевидно, уже ясен характер этого доброго человека. Это дотошный мужчина, у которого в голове много романтики, но мало ума. Любой человек такого склада в подобных необычных обстоятельствах повел бы себя так же и навлек бы на себя подозрение со стороны излишне проницательных или предвзято относящихся к нему. Месье Бове (как явствует из ваших записей) несколько раз беседовал с журналистом из «Этуаль» и задел его своей уверенностью в том, что этот труп, вопреки точке зрения самого журналиста, вне всякого сомнения, является трупом Мари. «Он упорно настаивает на том, что это труп Мари, – говорится в газете, – но не может в подтверждение своих слов привести ни одного действительно убедительного доказательства, кроме тех, о которых мы уже рассказывали». Так вот, если не вспоминать лишний раз о том, что более «убедительного» доказательства, которое он уже привел, не требуется, можно заметить, что вполне понятно, почему человек в подобных обстоятельствах совершенно убежден в своей правоте, но не может высказать причин своей убежденности, которые могли бы заставить так же поверить в это кого-то другого. Нет ничего более трудноопределимого, чем образ другого человека, который рождается у нас в сознании. Любой человек узнает соседа, но почти никогда не может четко выразить, по каким именно критериям происходит это «узнавание». Журналист из «Этуаль» не имел права упрекать месье Бове в безосновательности его убежденности.

Его якобы подозрительное поведение намного проще объяснить моим предположением о романтической дотошности, чем виновностью перед законом, в которой его подозревает автор статьи в «Этуаль». Приняв более благосклонную позицию, мы легко объясним и розу в замочной скважине, и имя Мари на грифельной доске, и «оттеснение на второй план всех родственников мужского пола», и то, что он якобы добивается, «чтобы никто из родных убитой не увидел тела», и его предостережение мадам Б. не разговаривать с жандармом до его (Бове) возвращения, и, наконец, его откровенное стремление к тому, чтобы «никто кроме него не принимал участия в расследовании». По-моему, вполне очевидно, что Бове был поклонником Мари, что она кокетничала с ним и что он хотел создать впечатление, будто у них были близкие отношения и он пользовался ее полным доверием. На этом данный вопрос я закрою, и, поскольку факты полностью опровергают заявление «Этуаль» насчет безразличия со стороны матери и остальных родственников – безразличия, несообразного с их предполагаемой уверенностью в том, что убитая и есть девушка из парфюмерной лавки, – в дальнейшем можно будет считать, что личность трупа установлена.

– А что вы думаете о взглядах «Коммерсьель»? – спросил я.

– То, что они заслуживают намного большего внимания, чем все прочие, высказанные об этом деле. Ее логические выводы на основании различных предпосылок умны и точны, однако по меньшей мере в двух примерах предпосылки эти сами основаны на неточных наблюдениях. «Коммерсьель» приходит к выводу, что Мари рядом с домом матери попала в руки банде отпетых негодяев. «Невозможно, – замечает она, – чтобы кто-либо настолько известный, как эта молодая женщина, прошел три квартала и совершенно никем не был замечен». Так может считать лишь человек, который давно живет в Париже, светский человек, передвижение по городу которого в основном происходит в поле зрения общественных мест. Он понимает, что для него почти невозможно пройти мимо дюжины сотрудников из его же конторы, чтобы при этом его не узнали и не приветствовали. Думая о собственном круге знакомств и о том, насколько он известен другим, автор этой статьи, ставя на один уровень собственную узнаваемость с узнаваемостью девушки из парфюмерного магазинчика, не видит между ними большой разницы и тут же приходит к выводу, что ее на улице

должны были узнавать так же, как и его. Об этом можно было бы говорить, если бы она, как и он, всегда перемещалась по улицам одним маршрутом и в одно и то же время. Ему привычно ходить через одинаковые промежутки времени внутри ограниченной территории, где полным-полно сотрудников, ожидающих его появления. Но с большой долей вероятности можно предположить, что перемещения Мари были хаотичны. В тот раз, вероятнее всего, она отправилась наименее привычным для себя маршрутом. Параллель, которая, судя по всему, существует в мыслях журналиста «Коммерсьель», имела бы право на существование в том случае, если бы речь шла о пересечении ими обоими всего города. Тогда при условии, что степень узнаваемости обоих уравнена, шансы на то, что их узнало бы примерно одинаковое количество людей, тоже примерно уравнились бы. Со своей стороны, я бы считал не просто возможным, а очень даже вероятным то, что Мари в любое время могла пройти по одному из многочисленных маршрутов от своего дома до дома тети и не встретить при этом ни одного знакомого или человека, который знал бы ее. Рассматривая этот вопрос в общем и полном свете, нам необходимо помнить о колоссальной диспропорции между кругом знакомств даже самой большой парижской знаменитости и общим числом парижан.

Впрочем, каким бы убедительным ни было предположение «Коммерсьель», сила его в значительной степени уменьшится, если мы примем во внимание время, в которое девушка вышла из дома. «Из дома она вышла, – пишет газета, – когда на улице уже было полно людей». Но это не так. Вышла она в девять часов. Верно, в девять утра в любой день недели, за исключением воскресенья, улицы города кишат людьми. Но в девять часов воскресного утра люди в основном дома и готовятся идти в церковь. Любой внимательный человек знает, насколько пустынно в городе примерно с восьми до десяти утра в христианский день отдыха. С десяти до одиннадцати улицы полны людей, но не раньше.

Есть еще один вопрос, в котором «Коммерсьель» проявила недостаток наблюдательности. «Лоскут (два фута в длину, один фут в ширину), – пишет она, – вырванный из юбки несчастной девушки, был завязан вокруг ее шеи и закреплен узлом под затылком, вероятно, для того чтобы не дать ей закричать. Это было сделано людьми, у которых не водятся носовых платков». Насколько это заключение соответствует истине, мы разберемся позже, но под «людьми, у которых не водятся носовых платков», автор понимает последнюю мразь. Однако дело в том, что у таких людей может не быть рубашки, но носовой платок у них есть всегда. Вам наверняка приходилось замечать, что в последние годы любой законченный негодяй считает своим долгом иметь при себе носовой платок.

– А что нам думать о статье в «Солей»? – поинтересовался я.

– А то, что, родись ее автор попугаем, цены бы такому попугаю не было. Он просто-напросто повторил то, что уже было высказано на страницах других изданий, с похвальным прилежанием, собрав воедино их выводы. «Все эти вещи пролежали там самое меньшее три-четыре недели, – пишет он. – И не остается сомнения, что место, где было совершено это ужасающее преступление, обнаружено». Повторенные в «Солей» факты у меня вовсе не вызывают такой уверенности, и мы еще обсудим их более подробно, когда перейдем к следующему этапу нашего разбора.

Сейчас нам необходимо пустить расследование в иное русло. Вы и сами наверняка заметили, до чего небрежно был проведен осмотр трупа. Да, личность погибшей установили, но ведь были и другие пункты, которые нуждались в проверке. Была ли жертва ограблена? Имела ли она при себе что-то ценное, когда выходила из дому, драгоценные украшения, например? Если да, то были ли они на ней, когда тело нашли? Все это важные вопросы, о которых в показаниях нет ни слова. Есть и другие, не менее важные, которым никто не придал значения. Нам придется довольствоваться собственными рассуждениями. Нужно будет проанализировать роль Сент-Эсташа в этом деле. Этот человек у меня не вызывает подозрений, но давайте действовать по порядку. Убедимся, что его данные под присягой показав

ния о том, где он находился в то воскресенье, полностью соответствуют действительности. Письменные показания подобного рода нередко бывают лживыми, но, если окажется, что в данном случае все верно, Сент-Эсташа можно будет исключить из нашего расследования. Однако его самоубийство, которое, казалось бы, усиливает подозрение, что в его показаниях присутствует ложь, на самом деле вполне объяснимо и не может заставить нас отказаться от обычных методов анализа.

Я предлагаю не думать о причине этой трагедии и сосредоточиться на сопутствующих обстоятельствах. В расследовании дел, подобных этому, одной из самых распространенных ошибок является то, что рассматриваются лишь те события, которые имеют самое непосредственное отношение к происшествию, но сопутствующие или побочные обстоятельства при этом остаются вовсе без внимания. Суды допускают серьезные ошибки, ограничивая свидетельские показания и прения только тем, что имеет непосредственное отношение к делу. Опыт, да и обычный здравый смысл подсказывают нам, что огромная, возможно, даже большая часть истины обнаруживается в том, что кажется не связанным напрямую с рассматриваемым вопросом. Если не сам этот подход, то дух его позволил современной науке решиться на то, чтобы включать в свои расчеты непредвиденное. Впрочем, возможно, вам трудно уловить мою мысль. Вся история человеческих знаний показывает, что именно благодаря второстепенным, побочным или случайным обстоятельствам были сделаны самые важные открытия, то есть мы должны рассчитывать, даже не во многом, а большей частью, что следующие важные открытия также будут носить случайный характер, будут находиться вне пределов ожидаемого. Сейчас уже просто не умно основывать видение того, что *будет* происходить, на том, что *уже* произошло. Случайность стала восприниматься как часть основы всего происходящего. Случай мы включаем в систему абсолютных расчетов. Непредвиденное и случайное мы даже закладываем в школьные математические формулы.

Повторю еще раз: нужно воспринимать как факт, что большая часть истины берет начало во второстепенном. Только лишь поэтому в расследовании настоящего дела я схожу с избитой, а значит, и бесплодной дороги, ведущей к самому событию, и направляюсь в сторону побочных сопутствующих обстоятельств. Пока вы займетесь проверкой имеющихся показаний, я возьмусь за более глубокое изучение газет. До сих пор мы производили только предварительную разведку территории, на которой нам предстоит вести расследование, и я буду сильно удивлен, если тщательный просмотр прессы не даст чего-нибудь такого, что укажет направление поисков.

Следуя указаниям Дюпена, я внимательнейшим образом проверил все имеющиеся показания. Это принесло полную уверенность в их правдивости и сняло все подозрения с Сент-Эсташа. Мой друг тем временем был занят просмотром газетных подшивок. Я видел, насколько он поглощен этой работой, которая мне, признаться, казалась совершенно бессмысленной. В конце недели он положил передо мной следующие выдержки:

«Около трех с половиной лет назад волнения, очень сходные с нынешними, уже имели место в связи с исчезновением той же самой Мари Роже, работавшей в Пале-Рояль в парфюмерном магазине месье Ле Блана. Однако в тот раз через неделю она снова появилась за *comptoir*⁴⁴, живая и здоровая, только слегка бледная, впрочем, подобная бледность не была для нее чем-то необычным. Месье Ле Блан и мать Мари объяснили ее отсутствие тем, что она всего лишь ездила к какому-то другу, живущему за городом, поэтому дело быстро забылось. Мы полагаем, что и сейчас происходит нечто подобное, и через неделю, самое большее через месяц, она вновь окажется среди нас».

⁴⁴ Прилавок (*фр.*).

«Вечерняя газета», понедельник, 23 июня⁴⁵

«Вчерашнее вечернее издание упоминает прошлое загадочное исчезновение мадемуазель Роже. Хорошо известно, что ту неделю, когда ее не было в парфюмерной лавке Ле Блана, она провела в обществе одного молодого морского офицера, имеющего репутацию распутника и дебошира. Предполагается, что ссора с ним и заставила ее вернуться домой. Мы располагаем именем этого Лотарио, который в настоящее время проживает в Париже, но по очевидным причинам не желает этого афишировать».

«Меркюри», вторник, 24 июня, утренний выпуск⁴⁶

«Позавчера в окрестностях нашего города было совершено отвратительное злодеяние. Поздно вечером мужчина с женой и молодой дочерью попросил шестерых молодых людей, бесцельно катавшихся по Сене в лодке, перевезти их через реку. Добравшись до противоположного берега, трое пассажиров высадились и прошли достаточно далеко, чтобы потерять из виду лодку, но дочь вдруг вспомнила, что оставила в ней зонтик. Когда она вернулась, чтобы забрать его, банда молодчиков схватила девушку, бросила в лодку и вывезла на середину реки. Там негодяи заткнули ей рот, надругались над несчастной жертвой и в конце концов высадили на противоположном берегу недалеко от того места, где она садилась в лодку с родителями. Пока что преступники не найдены, но полиция уже идет по их следу, и наверняка скоро кто-то из них будет схвачен».

«Утренняя газета», 25 июня⁴⁷

«Мы получили несколько писем, авторы которых пытаются доказать связь недавнего преступления с именем господина Менэ⁴⁸, но поскольку невиновность этого человека была полностью доказана беспристрастным расследованием и тон этих писем скорее возмущенный, чем рассудительный, мы не думаем, что имеет смысл приводить их».

«Утренняя газета», 28 июня⁴⁹

«Мы получили несколько убедительно составленных писем, явно написанных разными людьми, в которых высказывается уверенность, что несчастная Мари Роже стала жертвой одной из тех многочисленных банд, которые собираются в предместьях города по воскресеньям. Наше мнение полностью совпадает с мнением наших читателей. В следующих номерах на наших страницах мы собираемся уделить место обсуждению данного вопроса».

«Вечерняя газета», понедельник, 31 июня⁵⁰

«В понедельник один из матросов с таможенной баржи заметил плывущую по Сене пустую лодку. Паруса ее лежали на дне. Матрос доставил лодку к таможенной пристани, но на следующее утро лодки на месте не обнаружили. Оказалось, что ее угнали, поскольку, как выяснилось, никто из офицеров не давал на ее счет никаких распоряжений. Руль лодки в настоящее время находится в конторе пристани».

«Дилижанс», четверг, 26 июня

⁴⁵ Нью-Йоркская «Экспресс». (Примеч. авт.)

⁴⁶ Нью-Йоркская «Геральд». (Примеч. авт.)

⁴⁷ Нью-Йоркская «Куриер энд инквайрер». (Примеч. авт.)

⁴⁸ Менэ был одним из тех, кто в самом начале попал под подозрение, был арестован и отпущен по причине полного отсутствия улик. (Примеч. авт.)

⁴⁹ Нью-Йоркская «Куриер энд инквайрер». (Примеч. авт.)

⁵⁰ Нью-Йоркская «Ивнинг пост». (Примеч. авт.)

Прочтя эти выдержки, я не только не увидел в них ничего важного, но и не понял, как их можно использовать для нашего расследования. Я вопросительно посмотрел на Дюпена и стал дожидаться объяснений.

– На первой и второй из этих выдержек, – сказал он, – подробно останавливаться я не буду. Я выписал их в основном для того, чтобы показать вам крайнюю небрежность полиции, которая, насколько я понял из разговора с префектом, не удосужилась даже установить личность упомянутого морского офицера. Хотя отрицать предположение о том, что между первым и вторым исчезновением Мари Роже существует связь, попросту глупо. Допустим, первое тайное бегство Мари закончилось ссорой любовников и возвращением обманутой девушки домой. Это дает нам право думать, что второй раз она сбежала (если это был побег) не потому, что у нее появился новый поклонник, а потому, что обманщик возобновил ухаживания. Это, скорее, нужно воспринимать как «возобновление старых отношений», а не как начало новых. То, что человек, с которым Мари однажды уже уходила из дома, предложил ей новый побег, в десять раз вероятнее того, что нашелся другой мужчина, который предложил побег той, кому один раз такое предложение уже делали. И тут позвольте обратить ваше внимание на тот факт, что время, прошедшее с первого известного побега до второго предполагаемого, на несколько месяцев больше обычной продолжительности рейсов наших военных кораблей. Может быть, необходимость уходить в море помешала тогда любовнику воплотить в жизнь свои преступные замыслы? Может быть, сразу по возвращении из плаванья он взялся доводить до конца начатое? Обо всем этом нам ничего не известно.

Вы можете возразить, что во втором случае мы не знаем, был ли это побег. Это так, но имеем ли мы право утверждать, что он не предполагался? Сент-Эсташ да еще, пожалуй, Бове – вот все известные нам поклонники Мари, которые ухаживали за ней открыто и с честными намерениями. Ни о ком другом нигде не упоминается. Так кто же тот тайный любовник, о котором ничего не известно родственникам (по крайней мере, большинству из них), с которым Мари встречается в воскресенье утром и который пользуется таким доверием девушки, что она, не колеблясь, остается с ним до позднего вечера посреди глухой рощи в окрестностях заставы дю Руль? Кто этот тайный любовник, не знакомый большинству ее родных? И что означает удивительное пророчество мадам Роже: «Я никогда больше не увижу Мари»?

Если мы не можем себе представить, чтобы мадам Роже была посвящена в план побега, можем ли мы хотя бы предположить, что план этот был составлен самой девушкой? Перед уходом она дала понять, что собирается навестить тетюшку на улице де Дром и попросила Сент-Эсташа зайти за ней вечером. С первого взгляда кажется, что это опровергает мою версию, но давайте задумаемся. Мы знаем, что она встретила какого-то знакомого, переплыла с ним на другой берег реки и к трем часам дня добралась с ним до заставы дю Руль. Однако, соглашаясь отправиться туда с этим человеком (нам не известно, с какой целью и знала ли об этом ее мать), она не могла не вспомнить, что дома сказала, куда собиралась идти, и не подумать о том, какое удивление и подозрение вызовет ее отсутствие у Сент-Эсташа (с которым она была обручена), когда он в назначенное время придет на улицу де Дром, выяснит, что там она не появлялась, а потом в растревоженных чувствах вернется в пансион и узнает, что и дома ее все еще нет. Поверьте, она наверняка об этом подумала. Она, безусловно, предвидела недовольство Сент-Эсташа и всеобщие подозрения. И вернуться домой, чтобы развеять эти подозрения, она тоже не могла, но все это для нее не имело значения, если мы предположим, что возвращение домой не входило в ее планы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.